

Алексей Козлов

Лихтенвальд

Лихтенвальд
из
Сан-Репы

ТОМ

2

Алексей Козлов

**Лихтенвальд из Сан-
Репы. Роман. Том 2**

«Издательские решения»

Козлов А.

Лихтенвальд из Сан-Репы. Роман. Том 2 / А. Козлов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830189-6

«Лихтенвальд из Сан-Репы» — роман о доблестном Алексее Лихтенвальде, которому помогают высшие силы. Возвращение на родину и новые похождения в компании с Гитболаном и Кропоткиным.

ISBN 978-5-44-830189-6

© Козлов А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Новое явление страшного незнакомца народу	6
Глава 2. Страшный случай на дороге	10
Глава 3. Город Сблизнов в утреннем свете	14
Глава 4. Снова с Гитболаном	23
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Лихтенвальд из Сан-Репы
Роман. Том 2
Алексей Козлов

© Алексей Козлов, 2017

© Алексей Борисович Козлов, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-0189-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Новое явление страшного незнакомца народу

Ранним утром обещавшего быть прекрасным дня июля одна тысяча девятьсот, не будем говорить какого года, на старой Нусековской дороге, у развилки, обозначенной только поваленным ржавым столбом, остановилась роскошная машина – массивный чёрный масляно-никелево – лакированный закрытый лимузин невиданной модели, с золотыми дворниками и затемнёнными окнами. Потом несколько любителей-автомобилистов, напрягая извилины, припомнили, что модель эта точно была «Мерседесом» образца 1934 года, ручного исполнения, сильная штучка! Несколько старых пердунов увидев такое диво, облизались. Машина эта довольно долго стояла у края дороги в ожидании чего-то, и её никто не покидал. Потом дверь треснула, и из неё первым делом выскочил шустрый длинноволосый и длинноносый угреватый шофёр в оранжевой кепке и услужливым движением распахнул широкую переднюю дверь. Через несколько секунд из машины, запахивая чёрный кожаный плащ нервными интеллигентными руками, вылез высокий, плотный мужчина, с очень эксцентричным и завораживающим лицом, как автору показалось – весьма знакомым по каким-то древним публикациям и документальным фильмам, с чёлкой и импозантными венскими усиками под носом по моде начала прошлого века. Вслед за ним появился совершенно разухабистый, явно страдающий одышкой толстяк в тоге. В руках толстяк бережно сжимал круглую гнутую красную баранку от детского велосипеда «Росток». Присутствовавшие при появлении толстяка женщины без всяких оснований могли сделать скороспелый вывод, что толстяк в тоге очень любит детей, сделать – и ошибиться, он их терпеть не мог! Все, все старые девы заявляют, что любят детей, но так ли на самом деле, никто не знает.

Завершал появление странной компании болезненный бомжеватого вида субъект в нищенской, всюду залатанной робе, похожей на толстовку. Милиционер, заметивший странную гоп-компанию из стеклянной будки, сначала решил проверить документы у странных персон, для чего уже и привстал, но потом, увидев нечто вообще несообразное, побелел, сел обратно на карман с дневной выручкой и из будки не пошёл. Велик был контраст между ухоженным нагловатым денди в машине и его странным попутчиком и вызывал вопросы.

«Что общего может быть между этим нищим плохо одетым бастардом и пижоном в шляпе, явным иностранцем? Ничего не может быть! Персоны из разных опер! Весьма подозрительная парочка! – напрашивался сам собой ответ, – Что общего между этим сомнительным аристократом и клоуном в тоге? Для рождественских утренников время явно не подходящее, далеко ещё до новогодних ёлок, не до них сейчас! Ну и триоца! Не взорвали бы тут чего! Надо бы проверить, не иностранцы ли? – думал милиционер и не находил ответа, что делать. Думал милиционер проверить подозрительную триоцу, думал, да так и не проверил. Испугался он совсем другого, о чём даже мы не будем говорить и испугавшись, к машине не пошёл вовсе... не потому, что заметил странное. Каждый день тут, на его дороге было столько странного, что он уже ко всему привык, но тут... На самом деле пригвоздил, пришпиллил его взгляд странного субъекта, очень тяжёлый, странный взгляд, от которого не приходилось ждать ничего хорошего. Как только мент оторвал зад от коленкорowego сиденья, чтобы встать, иностранец посмотрел на милицейскую будку таким спокойным взглядом, так снял удобную лайковую перчатку и что-то произнёс глуховатым голосом так, что даже муравьи у обочины дороги замерли. Да-с, мы с прискорбием вынуждены констатировать, милиционеру совсем вдруг расхотелось идти исполнять свой долг.

– Ну, вот тут и будет! Подождём, наши друзья уже грузятся. А мент – умный! Знает, с кем надо дело иметь! Глаз намётан! – пробурчал клоун в тоге.

Совершив вместе с толстяком короткую прогулку к лесу, о чём-то заинтересованно беседа, потирая руки и постоянно жестикулируя, высокий господин, видимо слегка размявшись,

вернулся в машину и резко захлопнул дверь. Как раз в это время те, кого ждали на дороге уже, и правда, грузились в автобус.

– Шеф! А, шеф! Повеселите чем-нибудь исключительным, я знаю, как велика ваша коллекция человеческого материала. Мистер Гитболан! Давайте посмотрим, как живут здесь люди, самые обычные люди, я полагаю это не менее поучительное и интересное зрелище, чем забавы королей! Да и иногда можно повеселиться при этом так, как не повеселишься ни на одном эстрадном номере! Что там Букингемские забавы и Луврские причуды! Правда – здесь! – крикнул Кропоткин, заранее потирая ручки.

– Да! Идея неплоха! – подтвердил Нерон, сморкаясь в подол хитона и зажав неудобную тиару между ног.

– Итак, вы, друзья мои, предлагаете мне посмотреть обычную бытовую сценку, какую можно часто видеть в их тесных жилищах? – засмеялся маг и одним движением развернул вращающийся шар.

«Эрец! Перец! Гармонаиль! Вереск! Пенис! Харль! Манайль!»

В магическом стекле Гитболана было уж совсем что-то интересное. У входной двери стоял один был здоровенный парень с улыбкой на лице и длинными волосами до плеч, другой – дёрганный интеллигент с высохшим от постоянных запоров лицом встречал его по другую сторону, недоверчиво заглядывая в глаза. Через миг два персонажа находились в коридоре довольно новой квартиры и проходили один за другим в дверь. Кристалл даже читал мысли двух коренных сблызновчан, показавшихся мне почему-то поразительно знакомыми.

Элтон плюхнулся в новенькое кресло.

«Никакого уважения к моим трудам. Даже не заметил моей покупки, гнидёнш! Даже не заметил! Я всю спину порвал, гоня тележку с майками по рынку! Столько башмаков прохулил! Ящики с майонезом «Лурд» – это вам не подарок! Труженик тыла! Иван Сивый!

Славика передёрнуло.

«Прорвёт, прорвёт, прорвёт своей утлой задницей тончайшую шёлковую китайскую обшивку. Шелковичные черви сейчас в гробу ворочаются, вспоминая свои заслуги! Пропадёт весь их труд и дум высокое стремленье! Китайские горшки лопаются от горя! Мать моя, зачем, зачем ты назвала меня Славиком? Я родился только затем, чтобы увидеть, как негодяй рвёт своей задницей шёлковую обшивку моих кресел? О, какая это насмешка судьбы! Такое впечатление, что у него из задницы растут железные шипы! Жлобьё! О, какие они все жлобы! Пилой прошёлся помоей обивке! Боже!»

Как не пожалеть о том, что впустил в свою жизнь чужих! Про себя он уже давал страшную клятву никогда больше не звать старых фронтовых друзей в своё новое жилище, не подвергнув их предварительно дезактивации или лучше вивисекции, но поддался в очередной раз добрым чувствам, и на тебе, получил по самые помидоры, всё поели, всё снесли, чуть дедовых кресел не лишился. Надо наблюдать за ними, чтобы мельхиоровые ложки не с... здили. Дай палец пососать – лапу откусят! Друзья! Мать предупреждала, хлебнёшь ты с ними амброзии! Где был мой ум? А-а? Где честь? Где совесть? Ампутирована!

Однако, похоже у Элтона запоздалая совесть всё же заговорила и он, аппетитно зевнув, покинул насиженное гнездо и стал рассматривать поддельные офсетные олеографии на стенах. Глядя на такую дрянь, правый глаз его смотрел налево, а левый направо. Стоял, как Командор, заложив руки за спину и приподнимаясь на носки трёхкопеечных штиблет. «Я любил такие носить в детстве. Сейчас такие уже не делают, секрет их изготовления утрачен. У меня сегодня во сне выпал зуб! Плохой знак, знак страданий и грядущей болезни!» Рассматривал расплывающиеся пейзажи, дрянь, обретающуюся в хорамах массового человека. Целующиеся дети в лентах. Рождественский ангел голубой с позолоченной трубой. Кастрюльное золото самарской выделки. А это что?

Очки иногда снимал и протирал рваным кусочком дырявого носка. Нет, в нём всё же есть порода, не отнимешь, чёрт подери, не отнимешь! Аристократ в третьем поколении. Глыба! Матёра и прощание с ней. Протуберанец! Деятнадцатый век! Викторианский человек!

– Славик, я надеялся, что у тебя сохранились мои старые порно-карты? Помнишь, я подарил их тебе? Ну, помнишь? Не мог бы ты мне подарить или презентовать их мне на время, знаешь, у меня открылась вторая молодость! Старый солдат вылез из погребка! Настало время влюбляться и бить французов! Я летаю, как бравый орёл-стервятник – говорил дрозд и пытался придать своему голосу жалобу. Ярославна в портках. А тебе они всё равно не нужны! Я знаю!

Славик смешался с грязью и передёрнулся, как корабельный затвор.

– Элтон, я же женат! И женат счастливо! У меня фотографий больше нет! Порнография у меня теперь на кухне! Мне собак не надо! Нам и с женой вдвоём хорошо! Откуда у меня может быть хоть одна карта?

Элтон самоуглубился.

«Конченная душа! Кризис любопытства! Пытается убедить в том, чего нет! Жалкие потуги посредственности пред ликом Твоим, Господи!».

Элтон как бы не огорчился. Чего огорчаться при таком безнадёжном анамнезе. Правда, ё осмотр поддельных раритетов продолжился уже без разговоров.

Как бы прочувствовав полупрезрительное сочувствие друга и помолчав минут пять, Славик внезапно смягчился и рёк:

– Элтон, кстати, я совсем забыл, у меня ведь есть дюжина клубничных журнальчиков, может быть они поднимут твой дух? Только не лапай жирными пальцами! Бумага мелованная! Вот они! Новые!

Он долго лез на полки и рылся в книгах, пока не извлёк самое дорогое.

«Вопрос на засыпку».

Изображение вдруг размазало и приняло вид вращающейся змеи.

– Вы видели интеллигентных людей средней полосы Европы начала двадцать первого века. Ну, как? Вы удовлетворены этим экскурсом в местные нравы? – спросил Гитболан.

Глубоко тронутый отеческой заботой и тлением, Нерон налил кровью и заблаговестовал:

«В трабант вскочили
И ногой – на газ!
Поганый полицаи не словит нас!
Идём по автобану на рогах,
Вселяя в гувернанток дикий страх.
– Надбавь-ка жару! —
Гансик прорычал, —
– Мой «Тробби» выжат, —
Вальтер отвечал,
– Придётся, видно...
– ...Вальтер, да ты чо?
– ...Лежать в могиле нам к плечу плечо!
– Ты что чмонаешь, обречённый лох!
– Не надо напрягать меня! Я – плох!
Так и случилось. Сторож приволок
На две могилы жестяной венки».

– Нерон! Забыта Страна Детства! Нет надрыва! Нет! Где ломка первых дней творчества? Где напор и натиск? Где полёт валькирий в майском небе? Где безумие первой любви?

Тебя подводит европейская бесхребетность! А то всё «приволок-заволок»... Шеф! Куда мы попали? – дулетом прокричал Кропоткин и разбежался в разные стороны.

– Бди, каналья! – промолвил Нерон, – Довольно разговоров! Пустых Скоро промоушен будет! Едут!

Глава 2. Страшный случай на дороге

А тем же днём случилось вот что, описанное потом газетами: «Рано утром седьмого июля одна тысяча девятьсот... года» от от главного входа чрезвычайно презентабельного здания закрытого пансионата «Черепшина», где обычно отдыхали в тишине и столовались в покое высшие чины городской администрации славного и быть может известного вам по уголовной хронике центрального телевидения древнего города Сблызнава, в направлении к шоссе отбыл новенький, сверкающий никелем и тонированным стеклом автобус с игривой рекламой и группой депутатов Сблызновского Народного Сейма на борту, публике весьма разношёрстной, если не сказать более. Точнее, новенький «Мерседес» перевозил весь только что избранный в «народном» голосовании Сейм в полном его составе, если это можно так назвать. Отдых прошёл на ура, сами знаете, как располагает к весёлому и беззаботному времяпровождению чудная природа с рекой, вековым лесом, лугом, чистый сосновый воздух, просторные светлые номера кемпинга и наличие обширного бара. Прощальный вечер прошёл с трогательным пионерским костром и довольно тихо, если не считать разбитых холодильников в номерах, облёванных занавесок в столовой, полдюжины поломанных стульев в холле и груды мусора повсюду, о причинах возникновения которой никто не мог сообщить ничего толкового. Вечер завершился помпезным гимном Сан Репы, буйными плясками, быстрыми, но эффективными романами-случками с обслуживающим персоналом-девушками, поэтому утром его участники вставали тяжело. Да, тридцать три богатыря и две богатырские женщины, которые несмотря на свою половую принадлежность тоже, как оказалось, были депутатами, времени зря не теряли и рта зазря не разевали.

Когда уютный автобус мягко вырুলивал по извилистой дороге меж огромными вязами, на сотовом телефоне начальника фракции Народно – Сексуального блока Сан Репы Ли Ивановича Моппса раздался звонок его секретаря Антона Хрипукбзднжанского. Звонок этот, разумеется, удивил маститого политика. Тот нёс какую-то несусветную чушь, про Армагеддон, пожары, что-то бляял про беспорядки, повторял визгливым голосом «Сблызнов! Сблызнов!», а в конце зарыдал тонкой фистулой и бросил трубку. Ли Иванович Моппс недаром был знатком Сблызновской политической кухни, чтобы поверить в эту сбивчивую речугу, скорее похожую на бред буйно помешанного, чем на речи здорового половозрелого мужчины. Но он слишком хорошо помнил свои Нусековские матерства и встречи с сатанинской компанией карликов и великанов, чтобы не понять – дело серьёзное. Поэтому, заложив свой портативный телефон в широкий карман твидового, слегка залитого вином костюма, он только буркнул: «Что за чертовщина? Зачем я держу этого дурака при себе? Давно уже пора указать этой помеси Ноздрёва с Хлестаковым на его место или выгнать к чёртовой матери, что ещё правильнее! Почему он прямо не позвонил в компетентные органы? То, что он ненормальный, хорошо известно, да пойдёшь, найди среди местных кретинов исполнительного человека! Этот хоть и ненормальный, да очень всё же старается! Они не могли попасть в Сблызнов. Куча городов в Сан Репе! Нечего им тут делать! Чепуха какая-то!» И хотя про себя он и говорил это, лёгкое, ни на чём не основанное облачко тревоги и замешательства уже закопошилось в его маленьком сердце и ему даже пришлось встряхнуть головой, чтобы отогнать неизвестно откуда появившееся грозное облако.

Между тем автобус выбрался из затенённых джунглей заповедника на шоссе, ведущее в Сблызнов, и взяв скорость, весело бежал между широко расстилавшихся полей, обмелевших и пришедших в запустение речек, ветхих избышек на горизонте и гигантских замков Карабаса Барабаса, которые представляют ныне самую интересную и причудливую черту окрестного пейзажа нынешнего Сблызнава.

«Ты лети, наша песня, лети, сердцу хочется ласковой песни и хорошей большой любви» – пели туристы. Кто ездил по Сан Реповской провинции, тот хорошо знает, что Шкуры, Мрази, Дряни, Хряки, Ошкураевки – самые распространённые названия деревень и посёлков, какие можно здесь встретить на пути. Название – немое свидетельство доисторических нравов, господствовавших здесь столетиями. Дикие помещики былых времён имели к несчастью столько досуга, что им хватало его на изумительные эксперименты над крестьянами, топографией и словообразованием, но не хватало порой на самые простые и практичные вещи, например на еду для своих рабов. Ковровое бомбометание не могло бы так преобразить местность, как смогли преобразить административный восторг и созидательная, неутомимая деятельность. «Название, – как сказал в своей последней речи наш великий вождь, друг народов Тути-Фрути – это засохшая музыка, свидетельство нравов и дела народного...» Попугай-юморист перефразировал засохшую музыку в заглохшую, что тоже верно. С этим определением не поспоришь, музыка так музыка, вектор так вектор, восторг так восторг, в конце концов, не живём же мы там, где живут эти бедные люди, покинутые временем и забытые пространством. Тяжёлые на руку и малообразованные хозяева человеческих душ явно полагали и не без оснований: «Вот проедем рядом с неизвестно каким блудливым языком обозванными Мразями и тю-тю, поминай, как звали. Не жить нам здесь вечно. Точнее, не жить никогда. Лучше жить в Патарстоуне или на худой конец, в Нусекве, а не в ваших Мразях». Мрази, конечно писатели любят иногда описывать в своих слезливых повестушках с этими бесконечными «стягами» «супонями» «рындами», желая предстать в роли народных радетелей, но сами обитатели Мразей такой литературы не читают в принципе и не без оснований: жить тяжёлую и скучную жизнь вдали от цивилизации. Да ещё и читать о ней, извините – это извращение! И там я был, мёд-пиво пил, у моря видел дуб мочёный, под ним сидел и кот учёный свои мне сказки говорил. Скажу вам по секрету, нет пейзажа грустнее Сан Реповского придорожья. Вековое молчание раба висит над ним, ожидание новой беды, и только ветры проносятся в широком поле колышущейся кое-где пшеницы, гуляют над бритыми берегами умирающих рек и гонят лёгкие распутные облака в несусветную даль. Боже, как грустно мне, как грустно! Как грустна моя страна, моя милая Сан Репа, Боже мой, Боже! Как я любил всё это когда-то и до какой степени не могу это видеть сейчас. Безнадёжно, с пустыми и холодными глазами смотрю я на всё это однообразие, в эту минуту преображённое появлением долгожданного трогательного автобуса с уткнувшимся в стекло удивительным пассажиром.

Глядя в широкое окно рассеянным взглядом, Ли Иванович внезапно обратил внимание на несколько чёрных густых столбов дыма прямо по пути следования.

У деревни «Синие Котьхи» диким пламенем горела буйная степь. Огонь рвался на другую сторону шоссе и было件нятно, что это ему удастся.

«Наверно лес горит. Какие-то негодяи всё время жгут лес. Несколько прямых поджогов за два последних месяца – это много, очень много! А впрочем, и чёрт с ним, новый вырастет, не в пустыне живём!» – сказал Ли Иванович сам себе брезгливо, рассмотрев в своём мутном отражении надёжную семейную бородавку у носа. Потом втянул ноздрями воздух и снова поморщился. К далёкому и крайне неприятному запаху гари стал примешиваться ещё более омерзительный запах. Впереди автобуса ехала такая замызганная гом... овозка, что её становилось жалко любому, кто видел это чудо техники прошлых веков. Хобот механического золотаря волочился по асфальту и извергал потоки радужной жижи. Туристы в автобусе заткнули платками обуховидные носы, вдавили животы и стали поочерёдно шутить.

«Все в го... не, зато разгружать не надо! Ли Иванович, ваши архаровцы едут?» «Приеду – снесу голову!» – решил в гневе не по годкам деловитый Ли Иванович.

Водитель угрюмо посмотрел на четырёхколёсного разбойника. Хотя скорость механизированного золотаря была весьма приличной, опытный седовласый водитель «Мерса» стал набирать скорость. Возможность до самого Сблызнава обонять народный дух, не привлекала

и патриотичного Ли Ивановича. Когда до окончания этого нехитрого и знакомого, как пять пальцев, маневра оставалось всего несколько метров, гом... овозка вдруг резко затормозила, а почему, водитель злополучного автобуса так и не успел понять толком. Гом... овозку понесло юзом, и на мгновение она закрыла своим беременным боком всю проезжую часть.

«А-а-а» – возопил водитель и диким движением вывернул руль. Автобус в мгновение ока вынесло на другую полосу, и в последнее мгновение побелевший водитель увидел растущий покатым и безобразным лоб другой говновозки.

«А-а-а! Чтоб вам... Проклятье! Каждый день – День Го... на!...» – только и успел пропеть водитель, бешено нажимая на тормоз и похолодевшими висками чувствуя, что мощный и всегда безотказный механизм совершенно не подчиняется его приказам, а даже совсем наоборот, ещё быстрее несет многотонную махину к неизбежному столкновению на бешеной скорости. Водитель ещё сильнее вдавил тормоз в пол.

«О, чёрт! Что происходит? О, чёрт! Наваждение! О-о! Только не это!» Почти уже ничего не соображая, водитель бил ногой по тормозу, но не судьба!..

Ресь! Тресь! Бенц! Вау! Тяжкий удар, звон битого стекла, дружный вопль слились в протяжный вой, и тишина, воцарившаяся через несколько секунд, была противоестественна.

Когда смолкли залиvistые полицейские свистки милиционеров, невесть откуда набежавшим зрителям бросилась в глаза жуткая, но живописная картина: сплочённые в крепком объятии, догорали гом... овозка и «Мерседес» – конь и трепетная лань, Лейла и Мейджун, Ромео и Джульетта, Тристан и Изольда, дон Кихот Ламанчский и Дульцинея Тобосская. Все слились теперь в едином порыве, а на измятом борту догорающего автобуса красовалась бодрая размашистая рекламная надпись жёлтой краской по чёрной полосе: «Роллтон. Лапша быстрого приготовления. Съешь нас – сэкономишь час!».

Незаметно набралась толпа. Она стояла беззвучно и неподвижно и взирала на импортную лапшу, обильно орошённую пеной из огнетушителей. Среди праздных посетителей автомобильного шоу выделялась странная группа, те, кто потом пытались вычленивать события приснопамятного дня, сразу отмечали, что выделили странных зрителей из толпы празднующихся. Потом некоторые вспомнили, что же особенно их поразило и пришли к выводу, совершенно правильному, что поразило их то, что в жаркий летний день эти товарищи были одеты как-то поразительно, немотивировано тепло, одеты не по сезону короче. В центре троицы стоял чрезвычайно высокий и удивительно ладно скроенный смугловатый человек с утиным римским носом, гордой головой, в длинном блестящем плаще невиданного фасона и в тирольской шляпе, надвинутой на глаза. На губах у него застыла полупрезрительная улыбка и глаза были расширены. Один глаз, сильно увеличенный стеклом моногля, был зелен, другой аспидно чёрен. Под носом его чернели усики щёткой по моде начала прошлого века, золотого времени оперного искусства. Один рукав его утопал в бездонном кармане, а другой рукой он сжимал белую явно импортную трость и постукивал ею то и дело о свой немислимо дорогой коричневый ботинок. Ни у кого из толпы не было никаких сомнений, что один такой башмак мог потянуть на зарплату целого завода честных санреповских тружеников, которые теперь тусовались около роллтоновской лапши. Рядом с высоким франтом торчал толстяк со всклоченными рыжими патлами. Он всё время нетерпеливо подпрыгивал и его широкая, как будто художественная не то штормовка, не то блуза колыхалась то и дело. Третий был и вовсе какой-то истощённый недоеданием бомж с перевязанной засаленным платком головкой и ртом до ушей, пересекавшим голову почти на всём её протяжении. Было видно, что третьего не то разбивал неоднократно паралич, не то в детстве его уронили с четырнадцатого этажа, в общем – человек претерпел по полной программе и теперь находится в процессе успешной реабилитации и абсорбции. Странная компания то и дело шушукалась, вернее стоявшие по бокам персоны подпрыгивали к уху чернявого аристократа и что-то ему говорили.

Так начался приснопамятный день, положивший конец старой жизни. Он оставил такую жуткую память во всех, кто хоть каким-то боком был связан с прекрасным Сблызновым, где мы все к несчастью родились, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Мы не будем мешать бодрым суевающимся специалистам с фибровыми потёртыми чемоданищами, скрупулёзно меряющим тормозные пути и соскребающим горелую краску с поручней, и пока милиция упорно разгребает мгновенно возникшую на дороге быструю лапшу, мы преодолеем десятилетия, отмотаем время назад и кое-что вспомним на досуге такое, какое мало кто вспоминает, тем более, что теперь времени у нас навалом. Очень часто то, чего уже нет и в помине, выглядит на вид лучше, чем то, что ещё существует.

Потихоньку, вкрадчиво и как бы исподволь мы приближаемся к тому долгожданному моменту, когда на нашей авансцене должен явиться наш герой и повести нас в свой странный мир, неведомое существо, не догадывающееся о нашем умысле. Он уже бродит поблизости, пытаюсь чем-то заниматься, забредая на городской рынок и отирая фалдами своего довольно потрёпанного пальто каменные прилавки. При этом он брезгливо отдёргивает руку. Автор уже чувствует своим острым носом его неповторимый и специфический запах. Уф! Немного терпения, читатель! Не будем спешить! Я ещё не успел поведать тебе о древнем городе Сблызнове, городе твоего детства, городе первой мечты, городе первого поцелуя. И намереваясь это сделать, я уже потираю руки. Вот уж развлечёмся!

Глава 3. Город Сблызнов в утреннем свете

Видел ли кто, поколесивший по сей благословенной стране, город лучше, чище и милее города Сблызнова? А увидев, понимал ли, куда он попал? Хорош, хорош-таки город Сблызнов со своими кривыми грязными улочками, жуть, домами, набросанными как попало будто расшалившимся пьяным младенцем на ровной, как сковородка, местности. Всё здесь причудливо и непредсказуемо, как сам характер народа, его населяющего. Кому повезло родиться здесь, тот любит, чего греха таить, свой город и почитает за честь быть его гражданином со всеми вытекающими сюда предпосылками, вытекающими отсюда последствиями и немногими странными привилегиями. Особенно хорош Сблызнов летним вечером, когда осядет едкая пыль, поднимаемая загадочными грозными механизмами на его улицах в часы делового снования торгового и празднующегося люда, и в свете гаснущего и уходящего дня на его лицо ложится выражение удовлетворения и довольства. «Мы хорошо поработали и теперь хорошо отдохнём», – как бы говорит оно нам, и мы сразу и навсегда уверяемся в истинности и неоспоримости этого выражения. Сразу потянет дымком из самоварных труб, печами – народ садится за вполне законную трапезу, осади на плитуар!

Хорош, хорош-таки был Сблызнов со своими сбитенщиками, лудильщиками, кухарками и своим замызганным людом. Я не знаю ни одного человека, равнодушного к его неброской, как бы это точнее сказать, даже уродливой красоте, к его неменяемой оригинальности во всех чертах и складках. Несколько иностранных пилигримов, занесённых разными бурными ветрами сюда на протяжении двухсотлетней, славной истории Сблызнова, были столь поражены его своеобразием, что только один из них не оставил этнографических записок, в коих бы остались бесценные свидетельства и картины тамошней жизни, да и то не оставил по причине преждануремной кончины. Собранные неизвестно кем и лежащие по сю пору в специально оборудованном помещении городской бани, эти записи, по большей части изгрызанные мышами, содержат столь противоречивые сведения, что составить какую-либо более или менее полную картину жизни обитателей не представляется ныне возможным. Посланник Кардамон неизвестно по каким причинам прозябавший здесь более трёх месяцев и чудом сбежавший из Сблызнова на воздушном шаре, склеенном им из рыбьих пузырей здешних сомов, славных своими размерами, оставил впечатляющий рисунок, на котором явственно видны чёрные курные дома, разбросанные по холмам, кривоватые колокольни из пережжённого кирпича на наиболее презентабельных местах, и стены деревянной, дровяной крепости, позволяющие судить о строительном мастерстве того приснопамятного века и удалом размахе строительства сблызновчан. При этом он был настолько скрупулёзен, что изобразил даже купу чахлах берёз на фоне крепостных стен. Эти берёзы на том же месте стоят, такие же маленькие и плюгавые, что и при Кардамоне, вечная ему память. И похоже, что они даже не выросли ни на йоту за прошедшие века.

Как и все подобные города, Сблызнов был построен не для жизни в нём, но для созерцания его с дальних дистанций административными персонами, когда мелкие молопривлекательные детали не видны, а подслеповатые, выжившие из ума и часто престарелые вельможи видят только величие здешних холмов да луну поперёк неба. Жизнь напоказ, жизнь как зрелище прилепилась к образу великого города и больше от него никогда не отлеплялась, даже во времена нашествий!

История в широком смысле не является наукой, как считают многие, это скорее некое общественное искусство. Нет, скорее творчество. В ней нет цепких, неукоснительных формул, также меры и весы не постоянны и изменчивы. К каждому событию может быть миллион разных подходов и мерил. То, что изучается в школе, следовало бы называть «Хронологией», но ни

в коем случае не «Историей». Что же касается истории Сан Репы и отчасти Сблызнова, то тут ситуация ещё более запутанная.

До появления на картах благословенной Сан Репы города, на его месте кучковались безнадежные слободы, заселенные разным проходным людом или ссыльными разных мастей. Заселение происходило без всякого плана, всяк приносил своё бревно и свой гвоздь и всяк заколачивал своё бревно в свой гвоздь, не обращая ни малейшего внимания на то, что заколачивает его сосед и куда. Дружбы между поселенцами, как правило, не наблюдалось, наличествовало придирчивое завистливое признание. Тех, в ком не было природной въедливости, потихоньку выпихивали и изгоняли придирками, ночными подножками и они безропотно уходили в ночь без слов и сетований. Коренной сблызновчанин, как гордо называл себя венценосный пиит Григори Опискин, в конце своей жизни сполна почувствовал на своей шкуре силу сблызновского остракизма, обрушившегося на него из-за сущих пустяков – откуда-то взявшейся привычке задирать голову на закате и шептать собственные нерифмованные стихи с присвистом. Его посчитали сначала чудачком, потом не своим, потом чужим, потом просто сумасшедшим, потом – опасным необъяснимым рецидивистом, потом экстремистом, потом потенциальным террористом, а потом просто изгнали, особенно не разбираясь ни с законами, каких и сами не знали, ни с кухонным общественным мнением. Как Овидий, изгнанный из Рима, скитался он долго по свету, и канул в бескрайних окрестных просторах вместе со своими никому не нужными сочинениями. Таких примеров была масса, не всем открывал своё загадочное христианское сердце неумолимый Сблызнов, не всем, и гордыни не терпел совершенно!

Как же жили здесь люди? Да как жили? Так и жили! Три века назад они стали сбегать от своей сохи и селиться поближе к скоплениям народных масс. Кто убежал, тот селился в городках, а кто не сумел убежать, тот оплакивал свою горестную судьбу и влачил жалкое существование под присмотром помещика или председателя колхоза. И хотя эти названия звучат по-разному, но по существу, и помещики, и председатели – суть одно и то же. Раздень их догола, поставь рядом и никто не угадает, чем они отличаются, зуб даю на отсечение.

В конце концов, какая разница, по какой причине тебе не дано убежать, потому ли, что тебя сторожит помещик и урядник, или потому, что председатель и милиционер паспорт не дают. Какая разница. И вот в Сблызнове три века подряд только и делали, что беспрерывно оплакивали свою горестную судьбу. И продолжали литься в города и пристраиваться там разными путями и тропами. В результате столь мощных и непредсказуемых миграций в Сблызнове, на мизерной территории, скопилась половина населения, в то время, как остальная осталась прозябать на выселках и деревнях, раскиданных чёрт знает на какие расстояния. Жить в городе, разумеется, получше, чем жить в глухой деревне, спорить нечего. Тут тебе и телефон, и смывной бачок, и газ из конфорки, живи и радуйся, пока не подохнешь.

Все сблызновца, чувствовавшие проснувшееся уважение к себе, и расправляя новые крылья, сразу же начинали бурную трудноостановимую деятельность, и деятельность эта сводилась к обзаведению какой-нибудь лавочкой, желательной на бойком месте, с большим замком и охраной. Марс – бог торговли властвовал здесь, не давая никому покоя. Вот и всё. Радость по поводу освоения торговых площадей, впрочем довольно быстро проходила, и пальма первенства отдавалась тогда размножению и дальнейшему пестованию чад. Подрастающие поколения ничем не отличались друг от друга, разве что всё возрастающим пристрастием к употреблению крепких горячительных напитков.

Оставленный на долгие годы без попечения власть имущих, Сблызнов пребывал веками в летаргическом сне и радовался каждому немудрёному историческому чуду, случавшемуся всегда, как назло. Чудеса радовали Сблызновцев, но крайне произвольный характер чудес вселял в них каждодневное раздумье, не посылаются ли столь сомнительные чудеса в качестве наказания за мелкие уездные грехи. Попытки получить ответы на столь острые

вопросы, не приветствовались местными священнослужителями, тем более, что они традиционно читали проповеди на языке, который никто не понимал.

На начальном этапе доисторической истории Сблызнова центральные власти нанесли незаживающую рану тонкой душе Сблызнова. Сблызнов, отстроенный рачительными отцами-основателями на непроходимых болотах, тогда носил название Нусеква, которое, как знает каждый младенец, произошло от двух слов, а именно «мошка», трансформировавшегося в «мушеква», и звукоподражательного «ква», не нуждающегося в расшифровке ввиду его зримо звукоподражательного характера. Раскинувшийся на болоте сосед перехватил звучное название и присвоил его себе. Несмотря на ропот Сблызновских нусековичей. Так вопреки исторической справедливости Сблызнов стал Нусеквой, а Нусеква Сблызновом.

Именно с этого времени город обзавёлся своим гербом: кувшином, из которого вытекала какая-то жижа.

Переименование городов ввиду их тогдашнего жалкого состояния не сопровождалось большими празднествами, однако двое алкоголиков в тот день упились дармовой брагой до смерти. Да по городу целый месяц скакали конные патрули в поисках очередных зачинщиков. Шло время. Проходили века. Сменялись династии фараонов. Немцы ждали Валгаллы. На торговых путях лазили шайки разбойников и шли караваны пингвинов. Шекспир пробирался в чужой лес с луком охотиться за королевскими оленями. Со стилиаги сорвали штаны. Нусековский ипподром рвал бумажки. Люди лечили желудок «Пепси-Колой» и мазались бриолином. В Вене носили усики щёткой. Паровозы гремели шатунами. Везде кипела звериная жизнь, а в это время в Сблызнове почти ничего не менялось, по крайней мере сведений об этом в уездных летописях не сохранилось совершенно. Тусклая неприхотливая жизнь диктовала свои неписанные законы. Всё было размыто и зыбко и жителям города иногда начинало казаться, что они и не живут вовсе, а видят бесконечный серый сон. Приходило и быстро уходило поколение за поколением, не осознав, кто они, откуда и зачем-таки явились на свет божий. Нет, я не буду даже упоминать о непререкаемом атрибуте Сблызновской жизни – хроническом пьянстве, ибо вы и сами прекрасно осведомлены об этой стороне Сблызновского существования. Не надо. Не надо. И без того тошно. Я лучше расскажу о тех немногих истинных чудесах, чьё влияние поколебало болотную ряску и долго служило притчей во языцех.

Однажды в Варфоновсоньепском скиту монаху Ептимию явилась во сне прозрачная корова с огромным, синим пылающим выменем, с родинкой на сократовском лбу и ветвистыми оленьими рогами. Она дико мычала и била копытами в сочный дёрн. Она была прекрасна, и все считали, что она неминуемо заговорит. Толки по этому поводу свелись к тому, что такое явление должно сопровождаться невиданным урожаем, что, однако, не последовало, и на следующий год случился неурожай, ящур и засуха. Спустя десять колдов времени на третьем Ахинейском соборе, так называемом Варваринном, Тараторин выступил с зажигательной речью, полной предчувствий томительного конца. Он обозвал слушателей «свинорылыми муравьями» и предрёк им всем скорый и страшный конец. В тот год великое нашествие тли и жука – клещневика смутило народ и извлекло невиданное количество попов из их скитов и келий. Народ жаждал божьей защиты, хотел, чтобы монастырские дети окропили поражённые скверной поля своим тайным чудодейственным раствором и поля таким образом освободились от скверны и вредителей. Попов на поля, однако, выползло столь много, что они заполонили всё обозримое пространство, и скорее мешали друг другу, толкаясь ягодицами, чем истребляли божественными пассами хлебную тлю. К тому же они потоптали своими бахилами гораздо больше посевов, чем была способна съесть тля.

Без худа нету зла. Отсутствие еды произвело мощное движение населения на основных дорогах. Толпы двинулись, кто куда и кто на чём. На этом, однако, видения не прекратились, а наоборот, многократно умножились. Лицемерие полуобнажённой святой Мониции стало со временем явлением чуть ли не банальным. Летающие собаки, говорящие ёжики, плачу-

щие, или даже рыдающие глицерином иконы святого Мориска составляли костяк новых провидческих снов пастырей овец православных. Что-то неуловимое, как дуновение ветра проносилось в застоявшемся воздухе. Монахи, предавшие свои души вольному полёту фантазии и избравшие себе в качестве примера благословенного, но уже изрядно почившего в бозе Ептимия, видели теперь столь много чудесного, что иногда в их видения приходилось вмешиваться настоятелю. Это уже напоминало соревнование в причудливости ума, некий конкурс, несовместимый с характером Варсоносопьевского Скита. И настоятель это знал. Своим острым пьявочным носом он ощущал, что обилие снов хорошо, когда не переходит границ чётко очерченного здравого смысла, но когда переходит, свидетельствует о приближении смутных времён и катаклизмов. Настоятель совершенно справедливо полагал, что во всём, как в божьем промысле, так и в земных делах пристойна мера, а посему видений должно быть столько, сколько нужно для дела. Остальные видения он отвергал и отрицал, как заведомо вредные, разрушительные для общественногo духа и народного спокойствия. Знал он также, что столь бурно описываемые монахами святые видения, якобы пригрезившиеся им есть не что иное, как выдумки то ли изошрённого ума, то ли больной психики, а монахам по ночам могли присниться скорее грешные женщины, чем безгрешные ангелы.

Надо отметить, что все эти бесчисленные сметанные и ветхопещерники оставили по себе далеко не самую лучшую память в навсегда обиженном и одуревшем от произвола и пьянства народе.

Есть более позднее, но оттого не менее интересное свидетельство знаменитого Сблызновтинского писателя Никиты Муарова, где он приводит весьма точные и достаточно ценные факты из жизни Варфонософьевской братии, добытые им при шунтировании железными стенками стен пещер, в коих с незапамятных времён обретались монахи.

Полный решимости преуспеть в жизни, не надсадившись работой, он выстроил план, в осуществимость которого сам не верил. Он мечтал подобно Шлиману найти сокровища веков. В том, что эти сокровища есть в карстовых пещерах, он не сомневался. Но где?

Скитаясь в бесконечных коридорах, где не было солнца, господин Муаров сначала не наткнулся ни на какие свидетельства жизнедеятельности. Но потом...

Насколько можно верить этим свидетельствам, в одном укромном местечке, под густым слоем белил была обнаружена торичеллиева пустота, а в ней – две старинные гимназические тетради в линейку, банка сморщенных, поеденных жуками белых грибов, несколько ценных предметов старинного кастрюльного золота, бутылка с прокисшей винной бурдой, чёрный деревянный крест с кое-как выцарапанной на нём фигурой какого-то кривоватого, невнятного святого, и в заключение – патрон от испанского мушкета, уже тронутый медной зеленью и благородной патиной.

«Встреча Билла Клинтона и Моники Левински в Соборе Святого Петра». Они посмотрели друг на друга. Папарацци! Где папарацци?

Ни патина, ни грибы, ни даже пыльная бутылка зелёного стекла не тронули осязательного Муарова, как эти бесценные тетради. Дрожащими руками взял он полуистлевшие, хрупкие раритеты, с величайшей осторожностью раскрыл на первой странице и поразился. Выцветшими орешковыми чернилами изящным, почти женским почерком с наклоном на странице было начертано: «Учитель Беловайский! А не пошёл бы ты...». Далее была изображена пышнотелая женщина с птицей на плече и сияла игривая клякса.

«Вот откуда у ёжика зебры растут! Вот оно как!» – воскликнул внутренне Муаров.

Вторая запись гласила: «Мадемуазель! Вы прищепили мне палец! Вы достойны осквернения! Отказ от исповеди неуместен! Раздевайтесь во имя отца и сыны и святого Мука!

Эрих фон Конетс».

Эта странная запись была трактована исследователями в том смысле, что монахи к моменту делания этой записи освоили искусство перевоплощения столь хорошо, что уже не знали, кто они сами.

Третьим объектом изучения был листок, вложенный в тетрадь отдельно:

«Откровения Отца Флориссия из Соловков».

«Велик Святой человек. Его робкие сексуальные утехи схожи скорее с оргиями францисканцев, запертых в клетках, хотя по остроте, и извращённой напряжённости далеко оставляли всё выдуманное мировыми светилами. Мог ли я осуждать его за это? Природные способности, как клеймо, выбитое навеки, и если ты рождён явно не пуританином, стоит ли печалиться, что ты не половой гигант и уже не представляешь интереса для осмнадцатилетних...»

Но самое интересное и интригующее было на других одиночных листках, вложенных в самый конец тетради.

«О Вольдемар! Знайте! Мой муж, это бородатое чудовище, узнав из уст дуэньи, что я люблю вас, бьёт меня ключом, бьёт, мучает моё нежное тело и не даёт мне покоя! Пить! Я жажду! Мои губы потрескались и потеряли естественный цвет и форму. Они уже не вмещаются в зеркало. Я не прошу вас о помощи, потому что Вы не в силах мне помочь! Злая судьба развела нас и теперь творит надо мной свой жестокий приговор. Я говорю о высокой духовной жажде, которую только вы в силах утолить. Но захотите ли вы этого? Не отвергните ли вы бедную страдальницу, падкую на чужие клятвы? Захотите ли вы спасти меня, вашу коленопреклонённую рабыню, подвешенную на дыбу высокого чувства любви и сострадания? Молю вас, не гневайтесь на меня за моё грустное настроение. Мне плохо без вас, мой далёкий, мой лучший друг! Не грустите и вы! Вспоминайте меня, Вашу благоуханную Адель!»

Далее бумага была желта и обглодана крысами. Было и другое письмецо, в таком же духе.

«Моя надежда! Вольдемар! Знаете ли вы, как я скучаю без вас с тех пор, как прошла пора моей любви – весна! Мне хочется сделать признание, которого я не стыжусь: я хочу вас! Хочу не платонически, как было до этого, я хочу вас, как часть природы, как женщина, наделённая всеми фибрами и органами банального женского организма. Я хочу и боюсь вас одновременно. Я знаю, что вы не погубите меня, и ваше вожделение не превысит норму, какую нам завещал господь Бог! Заповедал ангел на небе! Рекомендовал мой духовник наконец! Вы должны знать, сколь жестокою борьбу я веду с вожделением! Вы должны знать! Жду весточки! Адель».

Был третий листок, по виду гораздо меньшего размера, но, по всей видимости, ещё в древности размытый горькими слезами.

«Ах, Вольдемар! Могу ли я поверить в то, что Вы больше не любите меня! Вы не замечаете меня, не обращаетесь ко мне, я не вижу в ваших прекрасных глазах ничего, что говорило бы о вашей привязанности! Моё переполненное сердце больше не может взвешивать слова. Оно жалуется и питается само собой, не видя света завтрашнего дня. Вы игнорируете мои просьбы попить, и я беспокоюсь, что стало причиной вашей холодности. Зачем это всё? Зачем? Снимите гири с моей усталой души! Возьмите меня!.. Ваша смешная одалиска».

Позади писем Адель лежал сложенный вчетверо лист какого-то требника, на котором воспалённый мужчина силился выразить свои древние мысли. Письмо Адели не обошлось без очаровательных ошибок, окончательно уверивших Вольдемара в его искренности – вместо слова «благоуханная» в одном месте стояло слово «блахоуганная».

Записи стали откровением, но их сразу же засекретили.

Не последнюю роль в открытии археологических уникамов сыграл историк Саллюстий Панночка, чьими усилиями, собственно говоря, и сдвинулись с места научные изыскания в нижних пластах. Он первым пошёл по городским начальникам с протянутой рукой и наполнил ладонь экспедиции доброхотными даяниями богатых проходимцев, уже наводнивших к тому времени Сблызнов.

Талант Паночки расцветал, убаюкиваемый мягким зуммером времён. Археологическая наука не бездействовала. В позапрошлом году, к примеру, нашли зоб звероподобного археоптерикса и плезиозада в очень хорошем состоянии. В прошлом году он нашёл важный окаменевший катях неведомого динозавра, внушительный, размером с пионэра, артефакт, подобных которому до того момента обнаружено не было, да простят мне мои читатели такие правдивые слова. Иерихонская труба пела. Когда катях транспортировали на кафедру в грузовике, Паночка ехал в кузове рядом с ним и плакал. После этого археологические бедствия Паночки закончились и началась полоса явных научных успехов и достижений. Тирада Андреевна Сольди и Береника Антропогенная, кафедральные нимфы, музы археологии, встречали его, сияя. Он защитил диссертацию на соискание учёной степени по одной отвлечённой схоластической дисциплине, стал осваивать великое ораторское искусство перед студенческой братией, в общем, не скучал.

Раскопки, проводившиеся в разное время и без особого плана в двух довольно-таки удалённых друг от друга населённых пунктах – Слоновке и Кьенарове, не блистая внешним респектом, всегда давали поразительные результаты. В Слоновке годами выкапывали целые груды костей, как волосистых мамонтов вида *Mamontinus Moshoncus*, так и двуногих существ, отдалённо смахивавших на классических неандертальцев. Идентификация костей была сильно замедлена и затруднена, поскольку чрезвычайно ценные человеческие и слоновьи кости были сильно разбавлены костями куриными.

Вероятно, это были остатки древних охотников, павших в неравной борьбе с гигантскими хищными млекопитающими. Костей было столь много, что раскопки иногда прекращались с тем, чтобы изыскать возможности разместить нарывое в музеи. Центральный этнографический музей, и так переполненный всякого рода экспонатами и артефактами, уже давно прекратил приём костей, и большие окаменелые брёвна размещались в детских садах и яслях, вселяя ужас в младенцев. Потом и там их отказались принимать, полагая, что их место – на фабрике костной муки. Археологи обиделись и ушли восвояси.

Появлению археологов на Кьенаровом холму город Сблызнов был обязан строительству административного небоскрёба вблизи университета. Здесь гигантский экскаватор, работавший на гусеничном ходу, однажды поскользнулся на чернозёмной размазне и плюхнулся с холма, раздавив ветхий сарай ковшом. При дотошном допросе и раскопках под грудой гнилых досок были обнаружены среди ржавого железа штык неизвестного орудия, деревянная соха и истлевшая каска, послужившая причиной многих споров.

По виду каска напоминала те, в каких французские лягушатники ходили в бой на немцев в битве при Марне, но чем-то от них отличалась. По духу это была обычная пожарная каска. По смыслу это был большой железный горшок, тронутый ржавчиной. Выглядел он на троечку. Пахло из него тоже не очень вкусно. Сославшись на второй стих Екклезиаста, университетские умы признали горшок каской и освятили её французское происхождение.

По мнению других, не менее авторитетных экспертов, её носил румынский солдат, отсиживавшийся на холме в ходе следующей войны. Так ли это было или не так, мы уже никогда не узнаем, потому как обнаружить ни стойких лягушатников, ни румын, столь скверно прикрывавших фланги тевтонов в ходе окружения Чиржопского котла, не удалось. Котёл, одно из любимейших слов местных историков, всё же был. Наступавшие тевтоны, дезориентированные бескрайним, лишённым всяких опознавательных знаков местами, трое суток бродили по степи, теряя бесценное время, и отчасти увязли по своей вине в болоте, из которого еле выбрались. Их трёхдневное сидение в болоте местные историографы и обозвали «Котлом»

Все исторические пласты лежали здесь столь плотно и были столь перемешаны, что углублённым в них исследователям иногда начинало казаться, что они находятся почти в Риме, где каждый сантиметр напичкан святынями, и что сама История разверзает перед ними свои орлиные крыла.

Конечно, исследовать всё это было довольно-таки затруднительно, учитывая сложности, с какими сталкивался всякий, вознамерившийся найти обрубленные исторические концы. Находили иногда, к примеру, головные уборы наполеоновской гвардии, хотя, как будто до этих краёв она не доходила в силу плохих дорог и крайней удалённости от тогдашнего театра боевых действий, а потом оказывалось, что это ветхий реквизит детского театра, выброшенный на помойку. Археолог Паноночка, прославленный найденным им фрагментом челюсти человекоподобного существа, долгие годы исследовал его, так и не придя к однозначному выводу, кому принадлежат эти гигантские зубы: античному неандертальцу или служилому казаку из части напротив. Паноночке всегда круто везло на разные артефакты, про которые трудно было сказать что-либо определённое и верное на все сто процентов.

Вообще же количество нашествий на эту территорию подсчёту не поддавалось и, начиная с приснопамятных времён, тут побывало столько завоевателей, сколько песчинок находится в куче песка. Видимая ли лёгкость покорения столь лакомых территорий, расхлябанность ли и добродушие населения, какие-то другие факторы, нам неизвестные, поощряли полчища иноземцев вторгаться на эту территорию, кто знает, кто знает. Да только по этой земле прошло столько людей разного рода-племени, что его иноземцы стали в насмешку величать «Республикой Проходного Двора». Здесь в своё время, разумеется, столовался и свирепый Батый, в иных странах изображаемый ныне рождественским дедушкой с ласковыми глазами, многие его потомки также считали за честь нанести матримониальные визиты к мирным прыгунам, в более поздние времена шастали французские лазутчики, потом прошли гусиным шагом орды немецких тевтонов. Ощущение постоянного присутствия врага витало в воздухе постоянно и не было такого времени, когда бы местные соглядатаи не мечтали выловить хоть одного шпиона. Выловить своего шпиона, шпиончика, шпионишку – это всё равно, что поймать белугу в местном пруду – великое чудо.

Получилось как-то само-собой, что народец здесь селился по большей части ушлый, пришлый, слабо тронутый перлами цивилизации и чистотой моральных императивов. Хазарские ли влияния, долгое ли мыканье по ссылкам, нищета ли иль бесправие, какие-то другие причины – так или иначе всё это человеческое богатство складывалось в дикий, непобедимый в своей глупости и темноте сблызновский характер! Но только ли этим был вымуштрован величественный Сблызновский характер, только ли в этом его крепкие корни – кто знает!? Ведь говорят философы и физики, что даже излучение земли иной раз так формообразует поведение людей, что только диву можно даваться! Не было ли тут таких природных воздействий? Не нашлось ли тут места для особых, болезненных вспучиваний космоса, колебаний мирового эфира, о которых предупреждал австриец Марк Лист в своём труде «Население и Волны Земли»? Народ Сблызнова! Его мятущаяся душа не могла долго выдерживать ни языческой весёлости и свободы, ни христианского смирения, аскезы и тарабарщины, ни наносного порядка и чиноустроительства, ни бешеного порыва к светлому будущему, нет, ничего не мог выносить он долго и всё сбрасывал со своих плеч без всякого сожаления. Претерпевая долго, в один прекрасный день подымался он с диким криком и крушил с великим тщанием. Сокрушение при этом было полное, всестороннее и не терпящее исключений. Народец этот не терпел ясности в законах, его привлекала импрессионистическая расплывчатость частных указов и рескриптов, но и их он умудрялся обходить так, как вода обходит камни.

Благоустройство не так волновало обитателей Сблызнова, как дух мятежной свободы. Частные возмущения и общественные бунты раз за разом через небольшие промежутки времени прокатывались по акватории, оставляя после себя руины и плодородный пепел. Житель Сблызнова никогда не терпел хороших мостовых, телефонных будок, газировальных автоматов, красных линий домов, чужих дач и взламывал, опрокидывал, отвинчивал и кромсал, рубил и громил. Во времена военного зуда и флотовой лихорадки количество украденного и сожжённого в Сблызнове добра было столь велико, что сам царь приехал сюда и даже, как

говорят, переломил местному голове челюсть подковой своего пегого скакуна по кличке Экстремист. Никакая полиция не могла веками справиться с муравьиной вредительской деятельностью народа, проистекавшей из его забитости и характера, не говоря уже о пропавших втуне бесчисленных проповедах, направленных против разбойничьего направления мыслей граждан Сблызнава. Отдельные благородные натуры, неизвестно как уцелевшие в общественной каше и не утратившие боевого проповеднического пыла, поднимали свой голос в борьбе с ночным мраком здешних нравов, но их можно было перечесать по пальцам, да и они сами не рисковали появляться со словом божьим в некоторых местах. Да и говорили они на каком-то странном птичьм языке, и их почти никто не понимал. Население древнего Сблызнава, Сблызновяне, надо признаться, терпело их с большим трудом и изводило не прямыми и ясными действиями, но прищуренным взглядом. Про себя таких отщепенцев и борцов за чистоту прозывали «Гуманонами» и как-то получалось само собой, что они, покуралесив с запретным либерализмом или поэтическими вольностями, вдруг падали с крыш, заглядевшись на звёзды, травились колбасой или отравленной водкой, или с волхвованиями и проклятиями уезжали навсегда в дальние края. Умер, покинутый даже собственной роднёй больной поэт Огурцов, только ощутивший божественные крылья за спиной, погиб ссыльный Голдфарб, ушёл непринятый Платангов, многих канувших никто никогда уже не узнает. Столь фантастическое сообщество всегда было гробовой ямой для местных талантов, умудрившихся взойти над иссохшей почвой, как они появлялись – это загадка, но как они умудрялись иногда уцелеть годами – это самое настоящее чудо. Всем оттоптавший уши пиит-прасол Кельцов, недавно где-то откопанный мэтр Блатанов, ссыльный, недавно вытащенный на свет божий пиит Зепа Монтельфуг – это лишь надводная часть интеллектуального айсберга, который ждёт своих исследователей, как сказал со значением критик Моторный, прославленный такого рода раскопками и инсинуациями. Сколько неизвестных миру талантов, сколько неведомых правдоискателей покоится под кривыми камнями Сблызновских плитуаров, осмеянные и отверженные. Об этом никто не знает и никогда не узнает. О последних жители, правда, иногда сожалели, ибо знали, что человек, единожды вдохнувший кислото воздуха Сблызнава, никогда и нигде больше не сможет угнездиться, столь волшебный дух всегда витал над этими библейскими местами. Тем более, что человек этот уже благополучно умер, а следовательно заслуживает некоторого вполне извинительного внимания. Откапывание всеми забытых талантов в иные времена становилось почти что профессией, иногда принимая гротескные и неопишуемые формы.

Однажды вездесущий исследователь Моторный перегнул палку и откопал где-то совсем уж фантастическую версию. Она заключалась в том, что последний Сан Репейный царь Пикколо якобы не был продырявлен пулей в таёжном болоте, а сбежал по слягам и былкам в сущую окрестность Сблызнава, где зацепился за овин и доживал долгие годы, задрапированный под косноязычного стрелочника Матовой Слободки Василия Силыча Дронова, просветителя пионэров. На старости лет якобы он удостоился особой чести встречаться и с более высокопоставленными людьми, которые придирчиво вглядывались в рубленые черты Василия Силыча, пытаясь найти в них сходство с добрым Пикколо Вторым. Потом он куда-то уехал, или делся – этого никто не знает. Последнее нововведение пришло, впрочем, совсем в недавние времена, ибо в былые в Сблызнаве нельзя было съехать на соседнюю улицу без высочайшего соизволения властей придержащих, не то, что уехать по своей воле куда глаза глядят.

В отпетые времена изобилия царей-самозванцев мещане, уставшие разбираться в легитимности своих неразумных господ и чувствуя растущую угрозу своему существованию, подавались в Затонские Камышики, где вдали от налоговых мытарей и полицейских дубин, как-то умудрялись устраивать свою жизнь и промышленяли рэкетом, разбоем, радикальной контрбандой и просвещённым альфонсизмом, и обретя свободу, вдруг становились изобретательными и ловкими прощелыгами с налётом даже какого-то наивного аристократизма. Одно только можно добавить к этому: понятие свободы, почёрпнутое в Плавнях и Камышиках, были весьма

своеобразными и даже, я бы сказал, специфическими, и никогда не побуждали даже мыслей о конституциях или о чём-то подобном.

Хозяйственная деятельность Сблызновцев была столь же целеустремлённой. Сколь малопродуктивной. Несмотря на обилие рынков в разных частях города, сытость продолжала оставаться преступной, и большая часть населения питалась кое-как и абы чем, и даже приворывая недостающие витамины на общих полях, имела хрупкий и бледный вид. Острый ли континентальный климат с холодной и вьюжной зимой и жалким сереньким летом, хроническая ли леность, административный восторг или что другое подрубали корни экономических успехов и должных преобразований – кто знает? Фактом остаётся то, что отдельные годы хороших урожаев, и то, что их чудом удалось убрать, западали в память горожан настолько крепко, что даже их дети, поднятые среди ночи, без запинки могли перечислить две или три таких даты. Года бесхлебиц, наводнений и голодух никто запомнить не мог, потому что они были часты и основательны.

Школы в Сблызнове радовали своим видом и славились избирательными нравами. Недочившихся отличников в них тянули на золотые медали, а двоечников дотапливали нерадением. Можно ли назвать дух, какой побуждал учителей поступать таким образом «сословным», я не берусь судить. Да нет! Вроде бы нет! Они были в основном людьми серьёзными, эти учителя и если склонялись к подобного рода решениям, то не просто так, не с бухты Барахты же! Обычные добрые люди и сами не замечают, как отливаются в ту форму, в какую их отливает здешнее государство.

Женственная по своей природе, власть, изнеженная в безделии, невинных хлопотах и заблуждениях, изводясь на фейерверки, всегда понимала, что при всех видимых стараниях – обиходить и привести в порядок бескрайнюю перспективу Сблызнова, простёртую до тех пор, пока земля не начинала круглиться – невозможно. Посему она и холила, лелеяла и возводила свои мелкие надёлы, совершенствовала их до такой степени, что некоторые фазенды Сблызновских князьков уже могли соперничать роскошью с лучшими европейскими дворами того времени. Какой-то зашитый тайный человек построил свой «Трианон» на скромную зарплату сотрудника Тайного Отдела. Такие факты не обсуждались, но вызывали удивлённое уважение у окружающих. Он решился! Как он мог? Правда, мало кому видные, они не пробуждали того духа гордости и единения, каким блистали европейские дворы в лучшие годы своего существования. Зато удалённый на задворки народ бедствовал постоянно, и прозябая, вынужден был содержать всех, и безумных чиновников, и хищных урядников, и невменяемых местных голов. Вольтерианские птицы, одно время пробиравшиеся в глубь материка с дивными воззваниями на крыльях, яиц здесь не несли, гнёзд не вили, народ им покою не давал и зёрна свободомыслия, несомые в их желудках, возрастали плохо, обихаживались кое-как, или вырывались без жалости. Как сорняки.

Как известно, Господь всегда обрушивался на гордыню и превозносил скромность. Делал ли он это осознанно и делал ли вообще – никто не знает, только известно, что именно так трактуют Господни помыслы Священные книги города Сблызнова. В городском Капище приблизительно до ХШХ хранились так называемые «Сивиллины Книги», хотя и постоянно подвергаемые сомнению и обструкции, но устоявшие...

Глава 4. Снова с Гитболаном

Мы оставили странную компанию на Старомосковской дороге, в ожидании чего-то и было это ясным днём. Что делала компания часом позднее мы пока не знаем, но скоро, благодаря возвращающемуся с дачи Алексу, узнаем. Быстро провернув на даче крайне неинтересные делишки, Лихтенвальд гораздо раньше обычного времени вошёл в подъезд и поднялся по лестнице. В квартире этажом выше на слова Мандельштама под гитару блял рахитичный мальчик.

Открыв дверь ключом, и совершенно не заметив ничего необычного в своей квартире, Лихтенвальд снял ботинки и шагнул в гостиную. Он хотел сразу же лечь на диван. И внезапно остановился, поражённый. Прямо перед ним на стуле сидел вышколенный господин с бритым выразительным лицом, хорошо знакомым по доисторической иностранной хронике.

По радио шли литературные беседы. Посиделки на завалинке в деревне Хомяково с участием звёзд. Он услышал только часть беседы и не огорчился. Такое можно слушать с любого места:

«...Это вино – благородное „Пежолэ“, силой влитое в его безразмерную глотку через сорока ведёрную клизму (Представив, вздрогни, верный сарацин!), произвело на его организм столь феноменальное действие, что на этом требуется остановиться специально...»

Так остановитесь, чёрт подери, остановитесь! Не тяните!

Незнакомец пристально смотрел прямо в глаза Алекса.

Сзади, в нескольких шагах от него, в странной полутьме, неподвижно стояли ещё двое персон – персоны толстая и тонкая. Молчание длилось не меньше минуты, потом неожиданный гость заговорил с металлическим акцентом.

– Алекс Лихтенвальд, если не ошибаюсь? Здравствуйте! И пожалуйста не пугайтесь! – сказал незнакомец. Я посетил вас, я посетил вас вовсе не затем, чтобы делать вам неприятности или портить жизнь, я осведомлён, что неприятностей у вас и так достаточно! Прошу! Не забывайте, что вы у себя дома, а я только гость!

– Да! – сказал Алекс, только я устал в Орловке и мне надо умыться и переодеться! Я сейчас!

– Орловка – это психлечебница? – взвизгнул любознательный гость, страшно заинтересовавшись и широко открывая голубой глаз. – У меня и у многих моих клиентов весьма обширный опыт общения с подобными организациями. Могу поделиться, если желаете?

– К сожалению, нет! – засмеялся Лихтенвальд, – Много хуже! Это место, где расположена моя дача. Тринадцать соток липкой земли, где я уже почти десять лет развожу мышей, тлю, муравьёв, шелкопряд, веретенного червяка и медведок, получая кучку слив, яблок, дюжину капустных кочерыжек. Экспортный товар.

– О, сочувствую! Добываете хлеб насущный в бозе лица, как теперь говорят? Сочувствую! Пролетая над этой территорией, я неоднократно видел лица людей, занимающихся землёй, или крестьян, как их здесь называют – так вот – это зрелище не для слабонервных. Я чуть не прослезился! Женщины, доведённые до состояния, когда их лица не похожи на женские, вызывают у меня ужасные чувства! Что это за государство, в котором крестьянки так выглядят?

– Да, добываю! Но здесь так выглядит большинство женщин.

– Это профессиональное? – допрашивал Гитболан.

– Нет, клиническое! – засмеялся Алекс. – Пива не хотите? Кстати, вы могли бы позвонить, прежде чем врываться в фатеру законопослушного гражданина!

– Отчего же не выпить пива!? Я – за! А что касается того, чтобы позвонить, так в твоём телефоне столько мясистых ушей, что в трубку хочется не говорить, а плюнуть ядовитой слюной! Я не доверяю свои маленькие тайны Сан Реповским проводам! И Вам не советую, Алекс!

Алекс откупорил бутылку, которую тут же взял этот незванный аристократ.

Пиво было такое вкусное, как будто в него падали слёзы рабочих.

– У вас, премногоуважаемый господин Лихтенвальд, – вернулся к теме вежливый незнакомец, помедлив, – могут, и даже, скорее всего, должны возникнуть вопросы, кто я такой и как столь без приглашения, невежливо попал в вашу квартиру, я готов на них ответить и надеюсь смогу успокоить вас! Во-первых, я не вор и не разбойник, и без приглашения прибыл к вам только потому, что нахожусь в вашем городе инкогнито и чересчур мозолить глаза обывателям не желаю. Но прежде чем мы приступим к серьёзному, откровенному, деловому и дружественному разговору, я готов ответить на все ваши вопросы. Итак, по порядку?

– Сколько времени? Больше вопросов у меня нет! Я не чувствую опасности, когда она есть, я это очень хорошо чувствую, вы явно не вор и точно не грабитель...

– Нет-нет, что вы – засмеялся незнакомец. Я не то, что не вор, много хуже! Много хуже для ваших земляков – я честнейшее из всех существ, какие когда либо населяли вселенную. И потому – страшное для них! Несовершенные боятся совершенства. Насколько я заметил, здесь в основном проживают люди, для которых чистота эксперимента совершенно не важна, их пугает абсолютный ум, абсолютная честность, всё абсолютное кажется им противоестественным и ненужным. Честно говоря, мне ничего не нужно из того, от чего горят глаза людских существ, вещи людей меня совершенно не интересуют...

– Почему? – в свою очередь заинтересовался Алекс.

– А потому, что в продуктах производства и жизнедеятельности людей воспроизводится их органическое несовершенство, а я привык иметь дело с совершенными объектами – мирами, галактиками, космосом в широком смысле! Вот это вещь! Я и есть высшая сила мира и абсолютное его совершенство!.. Много в мире рушится не потому, что оно изначально плохо, а потому, что оно слишком хорошо для этого мира. Вот вы живёте сейчас, к примеру, в безнадёжной стране с грошовой экономикой и глупыми правителями, которым нечего сказать своему народу, кроме того, что жить тяжело, а будет ещё тяжелее. В стране, лишённой цели существования и пути. И представьте себе на секунду, что в такой стране к власти пришёл умный, честный, справедливый человек, осознающий свою ответственность перед народом и собой. Богатенькие и хитрые соседи будут опускать такую страну всеми возможными методами, не считаясь ни с чем. Но стоит ли руководствоваться с мотивами тех, кто хочет нас опустить.

– ...Но вы не похожи на Бога! Скорее вы похожи на Сатану, каким его рисуют попы в церковных календарях. И похожи ещё на одного человека, который считается классическим злодеем и служит пугалом в школе, но которого, простите за корявый слог, злодеем я уже не считаю! Скорее он был жертвой своего времени, хотя сам так не считал! А вот кто вы на самом деле, я сказать затрудняюсь, поэтому... единственное... если можно, представьтесь, пожалуйста! Я тоже иногда предаюсь самоуверенности, и мне это никогда не приносило ничего хорошего! – перебил речь неизвестного Алекс.

– Кто бы я ни был, я один над всеми. И никого больше нет! Называйте меня, как хотите, это ровным счётом ничего не меняет! Людские представления о добре и зле разделили моё лицо на две половины. Эти представления совершенно смехотворны! Как любые представления людей, лишённых полноты знания. Одна, приятная и понятная людям – названа ими Богом и на неё возложена функция,.. так сказать доброго надзирателя и поощрителя людей, это пряник, другая – названа Сатаной, это злой дух, подкарауливающий заблудших овечек и отвлекающий их от истинного пути, это кнут. Но я ведь к этой классификации не имею никакого отношения, вы понимаете? Неужели же вы думаете, что я даю, скажем, призывы монахам в монастыре только за то, что они молятся? Вы не находите, что это смехотворно? В людях, обычных людях неистребимо желание редактировать высшие силы и представлять их по своему образу и подобию. Но это невозможно! Какие-то древние представители земных рас выду-

мали на досуге и так называемые «святые, божественные» книги, заставили почти все народы носиться с ними, как с писаной торбой и никто, да, никто не задумался о простейшей, пятикопеечной вещи. Вот вы представьте – обезьяна, подвергнувшись радиации, облезла и с горя стала нюхать травку, после чего у неё сильно развились отделы мозга, контролирующие фантазию. Фантазировала она долгое время и выдумала язык – набор условных, почти животных звуков, названный вами речью. Прошло время – обозначили эти звуки значками. Потом появились небожители и написали нечто, составленное из этих звуков, записанное этими знаками. Это и есть ваши так называемые святы «книги»... Это – симуляция разума. Но есть слово истины. Есть! Всё имеет смысл, и если слово истины было сказано, то не потому, что его кто-то разрешил сказать, но потому, что оно должно было быть сказано. Иногда оно было сказано преждевременно, и его замолчали и не поняли, но рано или поздно его поймут, как бы этого не хотели враги!

Гитболан внезапно раздражился и стал вдруг почти кричать:

– Вы знаете, мне не доставляют удовольствие ваши ничтожные игры и ваше самомнение, на самом деле я не обязан даже внимать вашим обезьяньим языкам, не то, что читать эти фальшивые книжонки! Книги, написанные на человеческом языке, не могут быть божественными! Как неприятно опускаться до стереотипов и условностей людей! Я же опустился до человеческого языка только потому, что мне необходимо было побеседовать с вами, господин Лихтенвальд... Ну, милостивый государь, вы тоже тот ещё – фрукт, если всерьёз полагаете, что природа – благодетельный клуб! Вы видели соловьиные гнёзда, разорённые змеями или зайчат, съеденных лисой? Почему вы полагаете, что среди людей всё должно быть по-другому?

Гитболан помолчал, а, не получив ответа, продолжил монолог, внезапно смягчившись:

– Да, прошу прощения – перед вами Вальтер фон Гитболан, особый посланник Потусторонья, так официально поименовывается мой титул в кругах, уполномочивших меня прибыть в это место. Не слишком ли официально я выражаюсь?

– Не слишком! И вы можете только докладывать? – напирал Алекс. – А помочь вы не можете?

– Я не помогаю людям! Они вверены своей судьбе, и изменить её можно только в одном случае, если они ведут себя много хуже, чем им было предписано судьбой. Всё тут подвержено взяткам...

– Да, нет, не взяткам, а так, вымогательству. Большая разница, – дипломатично вставил Лихтенвальд. – Не мне нравятся некоторые представители этого продажного режима! Я любил президента Сан Репы за то, что он научился таки чётко выговаривать слова и не блеет, как баран на ежовые ворота. Таких тут ещё не было! Правда, за его словами ничего нет, но это уж мелочь простительная!

Гитболан хохотнул. Тонкая патриотическая шутка Алекса ему явно понравилась, и он продолжал.

– К сожалению, я не волен помогать вам в вопросах жизни и смерти, даже вам, Алекс, хотя... но для этого нужны слишком серьёзные основания!

– Так кто вы на самом деле, Мистер Вальтер фон Гитболан, тот, кем представляетесь?

Гитболан как будто не ожидал прямого вопроса Алекса, и казалось, что тяжёлая туча на секунду нашла на его любезное лицо.

– Я? Одни люди по незнанию, а часто и с умыслом называют меня в восхищении и страхе Богом, другие с негодованием величают Сатаной. Вы можете меня величать как угодно, я не обижусь, и то, и другое для меня лестно!

– Считается, что между тем и другим разница есть...

– Плюньте в глаза таким счетоводам! Ну, хорошо! Я пришёл к вам, дорогой Алекс по двум основным причинам. Во-первых, мой лучший друг и коллега Нерон в бытность мою в отдалённых землях в жутком человеческом эфире услышал ваш возмущённый гневный голос.

Тогда, как я понял, погибала ваша мать, честнейший человек, покинутый нечестивым государством. Приятно узнать, что она была тевтонкой! Как выяснилось потом, корни её рода уходили гораздо дальше Ромула и Рема. Для меня это не просто важно, это определяет статус человека. Не меняет ничего, сидит ли он на троне или сгребаёт навоз в конюшне, это не убирает его корней. Кстати, на тронах сидели часто такие плебеи, что, встречаясь с ними, я вынужден был затыкать нос салфеткой! Нерону, моему другу, пришлось потратить, по моему заданию, немало сил на то, чтобы разыскать вас. Это непростая задача, потому что судьба мало того, что занесла вашу семью в пустыню, мало того, что погубила вашу мать, так вдобавок ко всему вы уехали после и некоторое время зализывали раны вдали от отчих пенатов, если это так можно ещё назвать. Потом меня отвлекли неотложные дела, и вот только теперь я вернулся туда, где был много раз полвека назад. Скажите, этот текст вы сами написали, или позаимствовали откуда-то? Цитирую! «Для большинства Зиглер пребывает в роли злодея вовсе не потому, что он таковым был по сути, но потому, что он не только получил от жизни всё, что она может дать смертному, то есть абсолютную власть, но и умудрился отомстить всем своим врагам. Ему досталось то, что не может принадлежать никому, вот это нельзя прощать никогда. Зависть к несправедливо обласканному судьбой выскочке – вот неистощимый Перпентум, толкающий мир к массовому человеку, этой белковой слизи, объёвшей всю землю. Совершенно справедливо большинство считает его сумасшедшим, ибо идея изменить мир, по мнению большинства, может исходить только от сумасшедшего, каковым он и был, ибо пытался своей волей изменить мир».

– Сам! Это отрывок из моей новой книжки, которую я с такими трудностями...

– ...сочиняли на досуге! Я в курсе! Книги ваши очень серьёзные и тяжёлые по духу. Они не очень весёлые, но правду говорят, что лучше быть задорным Сатаной, чем дешёвым Богом. Но что это за слова: Фаллос, задница? Вас, милостивый государь, тянет на неприличности. Это детский инстинкт – дерзить богатым взрослым и ожидать от них конфет и поощрения. Этим их не проймёшь! Скорее получишь по заднице! Книги ваши наверное пока что мало кто покупает?

– Полагаю, что так! Ну, во-первых, они мало где продавались! Одна была издана микроскопическим тиражом и о судьбе её я мало что знаю, другую постигла ещё худшая участь – я выставил её в одной виртуальной библиотеке...

– И какой же, если не секрет?

– Библиотеке Мошонкина! Вот это был прикол, так прикол. Там она располагалась несколько лет в отделе «Самприслал» и никто не обращал внимания ни на мои философские эскапады, ни на агрессивный тон некоторых пассажиров, но в один так сказать прекрасный день моя страница в этой библиотеке благополучно исчезла, как будто её там и не было! Настали новые времена и такое творчество как моё стало нетерпимым! Никакой цензуры, скандалов – просто потихоньку убрали вопреки все своим обещаниям – и всё!

– Окак! Вот тебе и Мошонкин! А они все такие? – спросил Нерон и покачал головой, – Ничо! Придёт время! Я им покажу небо с овчину! Будет им Германия 33 года, будя! Будут они качаться на ветру под «Фламме Эмпор»

– Ладно! Продолжаю! – Лихтенвальд как будто не заметил замечания Нерона, – Я должен был сам позаботиться о том, чтобы держать концы своего дела в своих руках, а не доверяться разным анурейским «библиотекарям»! Сам виноват! Природа не терпит пустот. В детстве я много чувствовал, но у меня не было необходимости формулировать свои чувства, теперь я не чувствую ничего, но могу сформулировать это ничего. Две вещи отрывают меня от природы и делают несчастным: Деньги и Слова. Деньги – это высшее извращение общественной фантазии, слова – это извращение живой природы. Но – то, что публика пока не видит в упор моего творчества – это благо! Я слишком нормален, чтобы быть в фаворе у Сблызновской шпаны! Их небрежение раскрепощает мою душу и позволяет мне говорить абсолютно всё, что

я хочу сказать. Даже короли не могут себе позволить того, что я могу сейчас себе позволить! Писать то, что они читают, я не хочу, потому что писать так противно. Писать что-то хорошее о них я не могу, потому, что это будет ложью. Я знаю, что здоровый инстинкт должен был бы заставить меня писать нечто такое, что интересно юным динозаврам, резвящимся по хвощам и плаунам, но мне это неинтересно. Выросшие без внимания, в разных условиях, эти молодые люди впитали в себя индифферентизм и равнодушие, какое я и представить себе не мог. Когда у меня появятся деньги, я буду огорчён, потому что тогда мне придётся быть осмортельнее и заняться беллетристической брехнёй, общепринятой в этом обществе. К сожалению, я сейчас мало осведомлён, что происходит в головах людей так сказать моего цеха, если таковые остались ещё. Я ничего не знаю о новых гениях, гроздьями свисающих с древа поэзии и потрескивающих своими четырёхстопными ямбами над унавоженными полями нашей долгой словесности.

– А вот ваш знакомый, писатель Белоснежнов, как-то сказал вам о том, что вы представляете по его мнению. Сказал вам немало обидного и, как ему показалось, справедливого...

– Вы и об этом знаете? Как мило! Отдаю долг вашей осведомлённости! Отчасти он был прав, ибо в отличие от меня он действительно кой-чего чего достиг. Но какой ценой!

– Цена, милостивый государь, никого не интересует!

– Для того, чтобы быть на коне, ему приходится писать заказные вещи для церкви, где он хвалит попов и святых, коммунистам писать о преступниках новой волны, для нововолновцев он ругает коммунист, ему приходится клянуть у городского головы или у какого-нибудь политика хвалебное слово о его книжках. Эти преамбулы он помещает на обложки книг, короче – у него действительно трудная судьба. А о своей последней встрече с ним я честно расскажу вам, мистер Гитболан. Тем более, что скорее всего, вы знаете не всё.

– Понятно! Это знакомая из истории ситуация, – поддакнул Гитболан, – А несколько дюжин Сблызновских писателей, как я понимаю, пришли, понюхали, напугали в офисе и ушли восвояси.

– Да! Потому что они вовсе никакие не писатели, а так, пристебаи при кормушке! Поэтому они и не написали о своей стране, в любви к которой они клялись годами, ни одного слова истинной любви! Ни одного! В прошлом году у меня зазвонил телефон, и этот самый писатель неожиданно для меня самого пригласил меня в лес за грибами. Он якобы знал места и был готов своими знаниями поделиться. Я согласился, потому что люблю собирать грибы. Он знал о моём пристрастии, и осенью прошлого года мы как-то договорились съездить, благо собирали, как оказалось, грибы в одном месте.

Первый раз мы приехали на станцию, долго шатались по лесу, грибов почти не нашли, идти туда, куда хотел идти я, он отказался. В конце концов, он то ли убежал от меня, то ли мы разошлись, в общем, домой я вернулся один. Я чертыхнулся, но когда он позвонил ещё раз, чёрт дёрнул меня снова согласиться. Встретиться мы должны были у остановки. Когда я вышел на улицу, стояла предутренняя мгла, было по-осеннему холодно, шёл сильный дождь, и мне идти в лес сразу расхотелось. Я представил себе мокрые ветки, с которых льются холодные струи, раскисшую дорогу в мрачный лес, скучную, обшарпаную станцию под тёмным небом. Но я дошёл до остановки, встретил его, он был с ведром, и мы пошли по главной улице к другой остановке, откуда всегда легко было уехать на вокзал. Само собой разумеется, тут он и затеял все эти кухонные политические разговоры. Такие как он никогда не могут удержаться, чтобы не выплеснуть на кого-нибудь свою осведомлённость в какой-либо сфере. Заговорили мы о последних террористических актах. Вы, мистер Гитболан, уже наверно осведомлены, какие тут основные новости – пожары, убийства и взрывы. И больше ничего! Вот об этих новостях мы и вели разговор.

Он ждал, что я буду подкрякивать его поверхностному, доморощенному шовинизму. А я сказал, что горцев с их мятежной территорией нужно окружить кордоном и дать им

делать на своей территории то, что они хотят. Рано или поздно они сами прибегут кланчить ириски. Напомнил о военачальнике Картузове, умолявшем императора Искандера остановиться в Польше и не идти дальше, пусть наши враги без нас глотки друг другу грызут. Сказал, что в ходе Великой войны нам вообще следовало бы прекратить наступление в той же Польше, дабы пожалеть свой народ и позволить Торфу Зиглеру сколь угодно долго биться с нашими сомнительными союзниками, он бы им накостылял ещё, как следует. Тут мой патриотичный дружок из себя вышел.

Он на меня разозлился, в основном за то, что я спокойно разговаривал, когда он из себя выходил и начинал безуспешно разыскивать доводы в свою пользу. Представьте себе – шесть часов утра поганейшего дня поздней осени, совершенно пустая улица, начинающее моросить небо, он с ведром, я – с корзиной, он бегаёт по остановке, отворачивается от меня с отвращением, кричит во весь голос:

– Ты кто такой тут? Свою жизнь не можешь устроить, а весь мир учишь!... Ну и... в свой поганый Исруль, здесь воздух чище будет! Пишешь тут графоманские книжонки, которые никто не покупает!

При упоминании Исруля и его белых кирпичей меня, честно говоря, передёрнуло. Он достиг своей цели, ударил без промаха ниже пояса. Я не очень-то люблю вспоминать об этой странице своей жизни и не со всеми её обсуждаю. Но если я побывал в грязном сортире, из этого вовсе нельзя сделать вывод о том, что мне в нём нравится! Что говорить, это был низкий выпад! Я ответил ещё ниже, потому что от этих нападок тоже стал выходить из себя. Я напомнил ему о методах, какими он домогается общественного признания – обложках, на которых стояли тирады: «Великий Сан Реповский писатель Белоснежнов, наш санрепейный Брет Гарт, в своей новой книге угнезживает новую народную духовность. Книги его будут жить вечно». И подпись – Генерал Воробей.

Может быть воробей и был в восторге от Белоснежнова, и так действительно говорил, я не знаю, но выносить на обложку рекламу своей личности, это, по моему, ужасно!

Но мог ли я поступить иначе? Требовать миролюбия от того, к кому вы относитесь, как к собаке, в высшей степени неуместно. Что же касается рекомендаций, то в то время они были чрезвычайно распространены, и почти каждый малообразованный губернатор и безграмотный генерал считали своим долгом оттянуться на юных творцах, представляя их миру. Юным творцам тоже были нужны административные костыли.

Я то знал цену всем этим гнездовьям.

Я вообще мог ответить ему теми же словами, потому что все слова можно сказать о любом из нас в равной степени. Так он меня любил.

– Да, прогресс у тебя налицо! – сказал я ему, – Ты какаешь, как Лев Толстой, писаешь, как Николай Гоголь, сношаешься, как Александр Пушкин, куришь травку, как Блок! Фамилии-то какие! И венец усилий – как Чехов блюёшь в Бляден Блядене!! А талант тебя, как у александра Матросова – быстрый, увидел вражий дзот и – прыг!

– А ты... а ты... какаешь – как Ле Корбюзье эпохи упадка стиля! Как Гауди ты какать никогда не сможешь!

– Почему?

– Жидковат!

– Не знаю я никакого Ковата! И знать не хочу!

Круто мы схватились.

Он взъерепенился и налился венозной кровью. Я ему отвечал, конечно, не выходя из себя, нужно мне? А знаете, после чего он так разъярился? Я ему сказал, что это государство при случае будет играть со славянами, сю-сю, тю-тю, а предаст точно. Как всегда предавало! И не будет тут никогда ни нормальной монетарной системы, ни инвесторов, ничего не будет! Поиграют они, поиграют в эти новомодные штуки, а потом развалят всё, как это у них всегда

было! И привёл свой разговор с одним черичренцем на станции Гелупец, который рассказывал, как его брат возил в фуре арбузы в Сблызнов и на каждом перекрёстке ментам мзду давал. В самом прямом смысле на каждом углу! Тысяч двадцать гренцыпулеров взяток за один прогон он брал только на взятки! Менты ни разу не смотрели в его фуре взрывчатку, наркотики и тому подобное, сразу подходили: «Деньги давай!»

Дал – и езжай куда хочешь, и – вези, чего хочешь. Хочешь – арбузы, хочешь – взрывчатку. Он и давал на каждом перекрёстке. Разве, говорю, возможно, чтобы в стране, где все силовые структуры продажны снизу доверху, порядок навести? Что это за безобразие? А потом снова говорю, что, де, надо бы обнести эту мятежную территорию колючей проволокой, устроить санитарную обработку и, как её, вивисекцию, а с военными акциями повременить пока. Как я это ему сказал, он пуще прежнего взвился, стал орать благим матом и меня снова Исрулем попрекать. Исруль твой, да твой Исруль! Его понесло.

Потом я и говорю: «Общеизвестно, что в глубинной Сан Репе настоящие патриоты – наркоманы, проститутки и алкоголики. Наркоманы дают деньги Северному альянсу на покупку оружия у Сан Репы, а потом этим оружием бьют злых террористов. Отморозков бьют, как сейчас иногда говорят. Таким образом, они-то – проститутки и наркоманы, и есть основные борцы с терроризмом. Алкоголики же содержат на своих плечах армию и Подземную полицию самой Сан Репы, ибо отдают в казну за порцию дрянного пойла отнюдь не лишние для их семей деньги. Слава патриотам нашей отчизны – великой Сан Репы: проституткам, алкоголикам и наркоманам! Слава её верным сынам и дочкам! Слава алкоголикам и проституткам, строителям будущего Сан Репы!»

И тут он окончательно задымился и всё в одну кучу свалил, и литературу, и жизнь, и исруль. Кони, люди, залпы тысяч орудий слились у него в протяжный вой. Рот у него стал раскрываться, как у Маяковского во время выступления перед красноармейцами.

Ещё он орал: «Я профессионал, а ты – чмо болотное, кто ты такой, так и будешь всю жизнь за свой счёт книжки издавать. Я уже в энциклопедии есть! Про меня пишут все газеты! Я – славянский Брет Гарт! Ты никто! Ты мелкий гра-фо-ман! Что ты пишешь? Что ты пишешь? Почитай! Почитай меня! Я классик! А ты кто есть? Кто ты такой? Ты – никто! Ты! Меня роман газета печатает на каждом шагу! Тьфу! Меня все знают! Я пять жён на свои гонорары содержу! Я не хочу с тобой разговаривать, не хочу! Выводишь ты меня из себя! Гад!»

Разошёлся он страшно. На цыгана, которому жена изменила, стал похож. Руками стал рубить, как Суворов турок. Саблей.

В общем дал он мне по башке своими ноябрьскими тезисами, крепко дал! Осудил он и мои картинки, сказал, что на любой помойке таких картинок видел больше, чем у меня в папке. «Разве это живопись... – твердил он, ка заведённый, – Ты что рисуешь? Это же такая гадость, твои рисунки! Да и не рисунки это вовсе, а мазня!»

Я его поправил – «графика» говорю, графика. Живопись – это когда с масляными красками дело имеют и пишут на холсте. Когда же водяными красками и тушью по бумаге – это графика! Разберись сначала! Когда он на меня орал, вид у него был страшно болезненный. Как он при таком болезненном виде мог содержать пять жон, я не знаю!

Я вижу – светской беседы пока что не получается, тон не тот, тема не созрела. Доводы мелкие. И многое, что он говорит обо мне, к сожалению, правда: книги мои не покупают, да и я сам к этому никаких движений не совершил. Ни одного серьёзного жеста, чтобы продвинуть своё имя среди единомышленников и врагов. Вот и жизнь свою не устроил – это правда, тут не поспоришь. Семья разбросана по миру, многих уже нет, а те далеке. Картинки мои пока что заказывают в издательствах, но что будет завтра, никто не знает, хотя некоторые мои картинки всё равно хороши, пусть не говорят!

Я его слушаю, а сам думаю: нет ху... без добра! В основном врёт он, но послушать то, что о тебе действительно думают твои «друзья», особенно в ярости или подпитии действительно

нелишне, лучше узнаёшь, кто твой друг по-настоящему, а кто прикидывается, а сам камень за пазухой держит. Я ведь слушаю даже врагов и готов извлечь зёрна истины и из их враждебных мне речей. Лишний человек, как сказала бы многоуважаемая Алевтина Ильинична.

Я собрался с духом и заверещал таким отвратительным интеллигентским говорком, не глядя ему в лицо:

– А вы знаете, я тут подумал... (Я говорил это голосом худосочного интеллигента из анекдота, произносящего спящему: «Вот вы говорите: Рыльцын – Рыльцын!») Ведь величайшие создания человеческого гения всегда носят, как ни странно привкус откровенной графомании. Нет в этом, господин Белоснежнов ничего преступного. Я, разумеется, не ратую за откровенно бездарные поделки, каких пруд пруди не только в столах пишущей братии, но и на прилавках книжных магазинов. Тут до сих пор дивы на радио вылезают и начинают завывать:

«О, родина моя в кустах осоки,
Люблю твои крутые берега,
В зелёной благовидной паволоке,
И (Ёпсельстрой) духмяные снега!»
Являешься ты в снах березовидных
В моих непомышляемых мечтах,
Когда дрожат тут в мареве овины
И деды ходят в длинных лапсердаках!»

Обычно они именно такие. Невсклад, невлад, поцелуй корову в зад! (Я, когда говорил это, корчил рожу.) Вы, конечно, слышали немало подобной чуши, не отпирайтесь! Но я не об этой тарабарщине говорю. Я говорю о божественной графомании! О чуде рождения литературы из графомании! Этого наивного полёта, какой есть в иной графомании, нет в профессиональном творчестве, тут всё как бы продумано и выверено, а вот величайшие творения созданы графоманами. «Дон Кихот», к примеру. Очистите его от графомании, и будет книжка в семьдесят страниц, отлаженная как часы, но без малейшего аромата и вкуса. А разве «Гаргантюа и Пантагрюэль» не графомания? И Реймский собор разве не графомания? А «Евгений Онегин», да не разъярю я ревностных пушкинонов? Особенно последние главы? Искусство, истинное искусство не может быть всего лишь профессией! В настоящем искусстве всегда есть нечто избыточное, лишённое примитивно понимаемого здравого смысла! В нём всегда есть избыточность! Ошибки вдохновения стоят во много раз больше, чем обретения ремесленничества. Сведи к необходимости поступки твоих персонажей и напишешь книгу о животных!

Бог не может быть профессией, солнце не может быть солдатом, изучение души не может быть резекцией паталогоанатома, оно должно быть священным актом открытия нового мира. Надо в глубине души понимать, зачем ты создаёшь свои творения! В них должна быть протяжённость, перспектива, сфумато! Нечего в храм пускать жрецами слегка подкованных сапожников! Надо вернуть искусствам их поднебесную функцию! Сейчас искусства сделались служанками денег и только потому влачат жалкое существование на задворках общества, готовые воспеть всё, что угодно выскочке-богатею и расстриге – интеллигенту...

Говорил я тихим, смиренным и по возможности препротивным голосом. Поникнув головой. Мне хотелось быть похожим на иезуита в капюшоне, допрашивающего ведьму – мерзкое зрелище, куда ни посмотри! У меня только капюшона и чётки не было, а так я точно был похож на думающего католического монаха, размышляющего на досуге о гармонии и мире и призывающего вредительницу ведьму сознаться в содеянном.

Он это увидел. Тут он вообще зашёлся и стал вопить уже на всю улицу горестные тирады. Он горланил благим матом, напоминая христианского жреца, требующего наконец у небес обещанного Второго Пришествия. Дай, мол, мне! Тембры, какие я больше всего не люблю. Было

пусто, и его голос галопом отскакивал от мокрых фасадов на другой стороне улицы. На другой стороне улицы немногочисленные прохожие, и правда, стали оглядываться, но я его не одёрывай, пусть, думаю, оттянется Белоснежнов, пусть выявится как яркий народный характер в воей первозданной чистоте. Впрочем, была ли это улица, или пред нами расстился глубокий горный каньон, затянутый туманом – этого мы уже определить не могли.

Я подумал, что с людьми, которые тебя не уважают, дел иметь не нужно. Это неблагоприятно, но прагматично. Об этом говорили все философы, но ведь человеку что говори, что не говори, он всегда сделает по-своему!

Не дожидаясь конца тирады, я сухо попрощался с ним и ушёл, сославшись на дождь и на то, что на поезд мы, по всей видимости, уже опоздали.

Он сказал мне в спину с ненавистью: «А я поеду!».

Я представил себя под пологом леса, когда каждая встреча с веткой окатывает тебя противным холодным душем, и мне стало жалко стойкого во грехе Белоснежнова.

Saint Kaban!

Сказав это, Лихтенвальд оглянулся и с удивлением заметил позади себя брезгливого толстяка в тоге, который сидел, закинув ногу на ногу, и рассматривал ухоженные ногти. Узрев удивлённые глаза Алекса, он вскочил и представился Нероном. Ещё дальше молчал третий посетитель, в надвинутой на глаза кепке. Он тоже сорвался с места и, выглядывая из-за широкой спины Нерона, назвался Кропоткиным.

– Я знаю, о чём вы приблизительно думаете! – сказал Нерон мягко, – О, я прекрасно знаю этот вид Нусековской литературки. «Смотрю на жизнь глазами таракана». Начало для большой поэмы просветительского содержания. «Она была прелестной одалиской, барменом он и слушал «Би Би Си». Не так ли? Неплохое начало для поэмки Никифора Ляпсуса! Их творчество я знаю. «Он скинул лапоточки и трусил по полюшку, озаряемый солнечною лучинушкой, пока его головушка не приклонилась к околице, и сон—Окоясь не скрутил его бедовую червлёную душеньку». Впрочем, поэм они как раз не читают! – разродился тирадой Нерон, глядя холодно в глаза Лихтенвальда, – Это очень важный философский вопрос, кого жлобы выдвигают как своих героев и увековечивают в своих мифах? Если бы не злоба дня, кто нашёл бы тут какого-то Платанова? Никто! Мы находимся в узких рамках того, что может признать приемлемым для себя толпа! Она может отбросить лучшие жемчужины ради сомнительных помоев и смаковать помои веками, говоря, что это нектар! А посмотрите меж тем, сколько ничтожеств пропихнуто на местный Олимп! Вагон и маленькая тележка! Я вообще вижу, как производится здесь отбор, и скажу, что отбор ведётся противоестественными методами! Писатель находится между молотом и наковальней, между лезвиями ножниц. С одной стороны ему грезятся «Дон Кихоты» и «Божественнык Комедии», потенциальным автором которых он мог бы быть, с другой он видит то, что способна съесть здешняя публика, плебеи, он видит то, за что она готова отдать деньги – жалкую попсу и детективное чтиво. И писателя корёжит. Он не знает, что ему делать, он пьёт и сходит с ума. Он стреляется. Или ломает себя и продаётся на развес и на вынос! Печальная судьба, не правда ли?

– Да нет! Мне ведь всё равно, что они думают по этому поводу, просто мы идём разными дорогами в разных направлениях, – пристально разглядывая второго гостя, продолжил Лихтенвальд, – А я уже не маленький и конфет не люблю! Я буду делать то, что хочу! Даже если это не будет нужно никому! Ответственный человек должен поступать так! Кто сказал, что идеалисты все вымерли, как динозавры? Карьера под проеденными молью знамёнами мне не нужна! Книжки с преамбулами Дроздов и Синиц не нужны! Я хочу быть самим собой! Пусть графоманом! Честный графоман предпочтительнее распутного беллетриста! Всё относительно! Это какая-то новая порода людишек. Они и дела не делают, а гадят, и на вопросы ответов не дают. Однажды я попал на юбилей одного местного, маститого художника от литературы и имел возможность лицезреть всю эту публику. Они оставили у меня в душе странное впечатление,

одной из деталей которого было: Лёша, ахтунг-ахтунг, внимание-внимание, говорит Германия, большинство здесь присутствующих – стукачи! Дай бог, чтобы я ошибся, но, увы, я не ошибся! Наивные иллюзии. Я-то всё-таки думал, что что здесь есть какие-то остатки корпоративной чести, профессионального и человеческого интереса, какими должен был по моему мнению обладать писатель. Писатели всё-таки, инженеры человеческих душ. Как же без искреннего интереса, как же без правды? Наивный Сан Репский мечтатель. Передо мной был коричневый, засохший лимон с червями внутри. Он всё ещё сохранял форму, но был лишён вменяемого содержания. Всё сгнило. Всё. Это были не ловцы душ, а приживалы в партийном лепрозории, списанные в тираж. Слабаку кажется, что, попав в опалу государства, он претерпел и пострадал, сильный знает, что он сам скорее сметёт и отринет любое государство, чем признает своё поражение. Оказывается, от точки зрения и упорства, с каким отстаивается эта точка зрения, многое зависит. Сильный сам уволит любое Государство и глазом не моргнёт! С тех пор, как моё государство лишило нас всего, я не могу, не хочу быть и не буду офицером в армии вампиров, высосавших кровь из меня и моих родителей! А как литератор, я не хочу быть слугой кого бы то ни было.

– Если писатель инженер человеческих душ, то кем является критик? Ну? Как я ляпнул? Мне иногда хочется прослыть умницей, и я тоже не прочь иногда принять красивую позу и блеснуть острым словом. Но это я сам выдумал! – болтал словоохотливый Нерон.

– Критик – ассенизатор и водовоз! И даже хуже! Это ассенизатор, да к тому же ещё и мобилизованный, и совсем уж непростительно – призванный! Это знают даже младенцы! Вы будете уважать ассенизаторов и водовозов, призванных к примеру, в армию, и умудрившихся не избежать призыва?

– Никогда! – весело крикнул Нерон, – я вообще очень плохо отношусь к тем людям, которые что-либо делали в жизни только ради денег! Это продажные плебеи трудятся из-за куска хлеба! Даже в литературе водовозы и ассенизаторы занимаются говном. Приличный человек в литературе не имеет дела с говном!

– Ну, зачем вы так, сударь? – попытался пристыдить нахала народный защитник Кропоткин, – услышь нас подавляющее большинство граждан, вынужденных денно и ночью пахать только за право нацепить на себя тряпку и набить живот не очень качественной пищей, они бы просто побили нас камнями!

– Лучше бы они побили камнями тех, кто заставляет их денно и ночью трудиться ради тряпки и скверной еды! – парировал нераскаявшийся Нерон.

– Верно задвинул, товарищ! – иронично и совершенно без всякого акцента заметил Гитболан, – Да, народ тут геройский! Я знаю! Мой племянник в былые, не очень весёлые времена, воевал на востоке и не раз сталкивался, будучи сам чрезвычайно выдержанным и стойким человеком, со стойкостью этого странного народа. Однажды в деревне, куда они прибыли для водворения порядка, они наткнулись на группу вооружённых бандитов. Их тут в силу обстоятельств называли в былые времена много мягче, чем они заслуживали – партизанами, но как бандита не назови, он всё равно – бандит! В ходе недолгого боя бандитов перестреляли и частично разогнали по джунглям. Племянник погнался за последним из этих лесных небожителей. Из-за необозримой бороды он так и не рассмотрел лица разбойника. Тот весь состоял из бороды и усов. Он его догнал и – бац по левой ноге кастетом. Сломал. Тот пополз дальше. Потом отдохнул, снова догнал, и правую ногу отбил спасательным кругом. Потом – тресь – правую руку арматурой сломал и узлом завязал руку – тот ползёт. Левую руку, тресь, в морской узел завязал. Ползёт. Тут он ему голову напрочь оторвал, полагая, что так будет лучше, и тому ползти больше некуда. А тот – так и уполз в камыши. И оттуда ещё залп дал, танк подбил, и горланил целый день какие-то героические лозунги и частушки. Наука умеет много гитик, как я полагаю.

– Вы всё шутите! – вставил Алекс.

– У вас крупная голова, – усмехнулся Гитболан, – и вы не должны держать её в песке, как рождественский страус. Мир не движим благотворительностью и благородством! Он движим конкуренцией и войной. Попытки задружить кроликов с волками вас ни к чему не приведут! Это фанаберическое прекраснотушие – не более того!

Из приёмника полился гимн Сан Репы. Алекс, сорванный с места точно ветром, подлетел к нему, и с криком «Заткнись, гнида, не до твоих частушек!» так шархнул по выключателю, что Гитболан поднял бровь.

– Вы их так любите? – спросил он.

– Сильнее, чем вы думаете!

– А всё-таки, почему? Это ведь хозяева страны! Аристократы нации! Лозунги-мозунги, как вы изволили выразиться!

– Какие хозяева! Это чёрт знает что! Бандиты! Захватчики! Бандиты не бывают хозяевами! Бандиты бывают бандитами! Они ограбили нас и обесчестили наш великий труд! А сейчас отворачиваются от нас и стараются не замечать! Экономическое беззаконие мучает и убивает мой народ! Каждую секунду погибают десятки! Я видел их на помойках, на морозе! Является ли несправедливое социальное устройство их личным делом – это вопрос! Поэтому, когда спустя поколения рука народного гнева обрушится на внуков нынешних мародёров, мы не должны смущаться их слезам. Кто сколачивает триумфальный помост из костей, получит гильотину! Грядущие поколения! Вы не имеете права на сочувствие! Благородство редко. Оно не должно опускаться до немотивированной доброты. Благородные должны восстановить поруганные пропорции между богатством и нищетой, между общим и частным, между волей и долгом. Пропорции станут богом грядущих времён, верховным богом. Бог нового мира – это Бог пропорций! Тот, кто ссылается на несправедливые законы, установленные заинтересованными, корыстными и низменными людьми, попирает при этом более высокие законы справедливости, начертанные светом на небесах – просто преступник! Пусть он считает себя законопослушным гражданином – он преступник! Мир, разумеется, восстановит если не саму справедливость, то кару за несправедливость. Вот почему грядущие слёзы детей нынешних хищников – нормальная плата за преступления отцов! На первом этаже в соседнем доме новаторы старичка придусили, и после открыли аптеку в его квартире. Лечить будем! Что это? Я не хочу их знать! Не хочу слушать «Сан Репа Великая Родина Света Внезапно возникла на наших костях! Спасибо за это! Спасибо за это! Единство народное есть в городах...» Ну и текст! Ёкол! Мусорное ведро должно поднять восстание против такой бумажки! Это не я должен шугаться от этого государства! Это оно должно и будет шугаться от меня! Будет! Эта земля принадлежала нам ещё до всяких государств, до князей, до царюг, до попиков, до коммунянок, до демокрадов, и будет принадлежать. Мы выпотрошим любое из государств! Я главнее любого государства! Это я должен его грабить, а не оно меня! Миллионы шутов, корчащих из себя патриотов – для меня ничто! В формочки оделись, чмыри! Дышать темно! Как бы заснуть и не видеть эти поганые годы!

– О-о, батенька! Вот так пукнул! Да не спать надо! Бороться! Жизнь – борьба! Не спать надо летаргическим сном, а если ты обижен, поднять штыки на обидчиков и вынести их на штыках! Почему вы это не делаете, а как бараны смотрите, как вас грабят? Всё вы не туда смотрите! У тебя пока нет сил противостоять произволу! У них нет сил убивать ограбленных! Это даёт тебе уникальную возможность говорить правду! Оружие надо чистить! Бой грядёт!

– Надеюсь! – хмуро изрёк Лихтенвальд.

– Да! – стыдливо засмеялся Гитболан, – Да! Есть два вида бандитов – одни в форме, а другие – без формы! Ну а если они исправятся и отдадут украденное, вы измените своё мнение?

– Нет! – сказал Алекс, – Поздно! Они всё равно не люди! Не изменю! Моя мать погибла от их шуточек! Какие извинения?

– Возвратимся к подростковым поллюциям, к детскому романтизму и энурезу, к юношескому альтруизму, – продолжил Гитболан, – Они не оставили вам, сударь, ничего, кроме таланта! Это их ошибка! У вас уже нет ничего, кроме таланта! Прекрасно! У вас есть столько, сколько нет ни у кого! Так уделайте их своим талантом! Изобразите их так, чтобы в веках люди смеялись над их святынями! Смутите их самоуверенность в том, что они люди! Покажите их животными, лишёнными всего человеческого! Ведь на самом деле они таковы! Их частная, мозаичная мораль – всего лишь симуляция и мимикрия бессовестности! Президент, закрывающий глаза на вопиющее беззаконие – муляж!

Нерон, как будто только и ловивший момент, чтобы встрять со своими речёвками, встрял, шумно жестикулируя и коверкая слова:

– Кропоткин! Шеф, позвольте выдать друга? Он съел килограмм скотча! Интеллигент! В наше время! В наше время! Муштровать! Муштровать всех! Может быть, он мнит себя Шварцем Ниггером? Сначала мнил себя Шварцем, но оказался Ниггером! Потом схватился за Ниггера, но по возрасту из него всё сильнее вылезал облезлый Шварц! Живу среди уродов, что в мороз не закрывают дверь в своё жилище, наивно полагая – будет пища смоковниц диких и трофейных коз. Да, бедность их от бедности ума, от дезертирства от добра и чести, но пусть живёт надежда в них, что вместе идти по миру, что одна сума. Ползёт по подворотне злая гниль. Вся злая гниль, отъевшаяся в стане, что числится по метрике моей, найдёт золотую пыль в моём кармане и несколько погнутых дюбелей. Она придёт, а я уж сделал ноги, мне надутые не нужны круги! Закрой меня своей власистой грудью, Крогги! Нет, шиш, играли в эти игры! Помоги! Писатель! Хочешь я тебя за три репейных гренцыпулера писателем сделаю? Один тут местный конан дойль без всяких на то юридических оснований считал себя пупом земли и гением всех времён и народов. Враньё! Как он может быть гением в этом плюгавом городишке, когда гений там уже есть – это я! Он беллетрист, а не гений! Я никаких проявлений гениальности, кроме дурного запаха изо рта и грязных манишек я в нём не заметил. Таких гениев тут несколько, да не в том дело!

– Но он о тебе может сказать то же самое! Я думаю, что всем беллетристам нужно сообща обсудить и выработать критерии, по которым проявление любой гениальности будет объявляться абсолютным безумием! Действительно, разве не безумен какой-нибудь максималист, который не желает ограничивать свою жизнь едой и ...любовью, а погрязает в абстрактных теориях преобразования общества? Я имею в виду, безумен для тех, кого устраивает это общество... Ладно, это я так, подшучиваю! – сквозь голос Нерона продолжил Гитболан. Я сам почти такой! Люблю хорошую шутку над плохими людьми! А так как здесь почти все люди по моему мнению плохие, то шутить придётся направо и налево! В ваших книгах, уважаемый, чувствуется оскорблённая и обожжённая предательством и несправедливостью душа. Почему мир не замечает одиноких гениев? Находясь замурованным в кавендишской пещере, я несколько столетий подряд размышлял над этим вопросом и так не нашёл на него внятного ответа. Приличные люди сиры, потому что кругом нет истинных аристократов, способных оценить и своей оценкой создать позитивное мнение у большинства простых людей, озабоченных только выживанием и суетой. Для этого нужна ответственность перед, если хочешь, историей, ответственность перед высшими целями существования. Оглянись вокруг, ты живёшь среди людей ограниченных, их жизненное пространство стеснено, и они в упор не хотят видеть выскочек, возжелавших свободы. Свобода избранных всегда сомнительна там, где она зависит от оценки сирых смертных. Сирые сами не могут сказать да там, где можно сказать нет! Она унижает их, даёт почувствовать свою ущербность и ненужность. Деньги, которые многие из них имеют в избытке, оказываются предателями, когда их жизнь начинает склоняться к старости. Они чувствуют, как безвозвратно уходит их время, их жизнь, они чувствуют, что ничего стоящего не сделано, а сытый желудок – слишком маленькая победа! И они завидуют талантливым беднякам. Только сверхсила может заставить их славословить солнце. Солнце не требует

денег за своё тепло! Вы можете быть оригинальной и цельной личностью и полагать, что этого достаточно для уважения окружающих. И уже на этой стадии проиграть. Но им это никогда не понравится, потому что вы посягаете на их интересы, на правила их игры, которые они сделали почти принудительно правилами игры всех. Надо холодно и ясно оценивать в какой ничтожной среде вы живёте, какой мизерный человеческий материал вас окружает...

– Я готов заплатить и не такую цену за право говорить то, что я думаю... – прервал Гитболана Лихтенвальд.

Гитболан говорил глухим голосом, тихо и вкрадчиво, не сбиваясь.

– Вы имеете право поднять восстание и должны победить. Вы не имеете права больше проигрывать! Оставь надежду, всяк, сюда входящий! О, этот мир! Мир, где царит подлость, управляет несправедливость, господствует пошлость и повелевает страх! Сколько раз я обращался к людям – никогда не обижайте гениальных художников, не будет от этого добра. Обида, пройдя через увеличительное стекло их таланта, испепелит вас и не оставит и следа от ваших святых! Талант – это лупа, собирающая солнце! И не кому будет жаловаться, когда огнём таланта будет охвачено всё! Но никто никогда не слушает предупреждений! Все готовы из раза в раз учиться на своих собственных ошибках и оступаться на своей собственной блевне! Не стоило и Адольфа так обижать в юности! – сказал Гитболан и испытующе посмотрел в глаза Лихтенвальда, – может быть, тогда мы имели бы не великого диктатора, но величайшего трагического актёра, кто знает, кто знает?

Гитболан умолк, сокрушённо качал головой, и казалось, весь ушёл в себя.

Так пошло минуту две в молчании, затем Лихтенвальд прервал тишину:

– Были времена, когда я высоко ставил комика Чаплина, и в особенности его «Великого диктатора». Но однажды я увидел английский фильм, где параллельно шли кадры из этого фильма и хроника с речами Гитлера. И мне пришла странная мысль – а ведь в то самое время, когда Гитлер с оружием в руках сидел в окопе и нюхал иприт, этот лондонский клоун кидался пирожными в тёплой студии. Есть в этом, знаете ли, что-то... А что касается сравнения, то скажу: Гитлер и в самом деле величайший актёр, а этот – просто пародист, каких пруд пруди! Его фильм про диктатора довольно бездарен, несмотря на массивную рекламу.

Гитболан внезапно оживился и заблестел глазами.

– Вот-вот! Ды вы не зануда! Вы начинаете подходить к истине! Но был ли Гитлер, как вы изволили выразиться, актёром. Большинство людей, ни во что не веря, почему-то принимают априори, что в мире не существует искренней веры во что-либо! Большинство смотрит на мир с шестка своего ничтожества! Что видит, к примеру червяк, находящийся в яблоке? Пока ему тепло и сыро, он доволен! Холодно и нечего есть – он начинает шевелиться! Когда тепло и сыро, ему лично наплевать, что творится с его страной! Но должно ли быть так? А вы не думаете, что, может быть, он искренне верил в то, что говорил с воодушевлением, верил в то, что делал? Впрочем, это долгий разговор!.. Надо хорошо знать историю и также то, что ещё двести лет будет скрываться от глаз публики! Другое это было поколение! Одно могу сказать открыто – через двести лет все оценки будут совершенно не те, что сейчас! А Чаплин... неплохой актёр... Я смеялся пару раз! Но Гитлер был в сто раз умнее, чем думал Чаплин! У него хоть какое-то мировоззрение было! Он хотел от жизни не только хапать по мелочам! Буржуи, приучающие ныне свой народ не заглядывать дальше своего носа, хитры по-своему. Но хозяином мира будет тот, кто обладает программой и широким мировоззрением! Что же касается, вашего, господин Лихтенвальд, президента, то об этом типе я вообще не хочу говорить! Впустую потраченное время! Странная смесь довольно низменного здравого смысла с полным отсутствием полёта и идеализма.

– Он такой же мой, как заячий горох на поле! – обиделся Лихтенвальд, – И о нём я вообще не заводил речь по тем же основаниям!

– Я имел прекрасную возможность смотреть ваш телевизор. – продолжил свою речь Гитболан, – Я видел начало этого искусства, если можно так выразиться, в начале сороковых годов и хочу сказать, что виденное тогда – просто смешной лепет по сравнению с увиденным сейчас. Чудо: огромные технические возможности привели, казалось бы, к самому парадоксальному результату – там просто нечего смотреть. Одна симуляция! Особенно меня поразили передачи, где нет любви, но есть её открытая симуляция, нет откровенности, а есть изливание внутренних помоев. Оказалось, что у этого продукта так много потребителей, что самоуверенность гениев гаснет. Я бы запретил такое сразу, не считаясь ни с чем! Если право кучки лжецов обольванивать народ считается здесь демократией, я бы отнёс такую демократию сходу! Сколько лет миллионы людей просят уважать их природные права и избавить их от принудительного просмотра реклам, всякой гадости, а их мнение вызывает только глумливый смех! Это и есть демократия? Плебеи! Им нужны плебеи! Где возможно они проталкивают растляющее, подлое, низменное, размазанное! Покажи ему Патерстоунскую диву, с пеной у рта и невинными глазами выступающую за легализацию борделей, он и не подумает, что она хочет всего лишь вывести из тени свой поганый бизнес! Всё – можно! Здесь не нужны гении! А что видит глаз и слышит ухо? Привычное верить волшебству, оно по привычке потребляет непотребство, желая узнать о делах своей страны, оно натывается на ложь в тщательно разработанной упаковке. Наконец, творцы лжи уже не скрывают, что они лгут, они говорят таким образом, что ложь составляет часть новых правил игры, и вы должны принять эти правила и привыкать к ним. И вот уже лжецам и их лжи аплодируют! Что случилось? Остался ли ещё народ, отдающий отчёт, в какой игре он участвует, понимает ли он, что это не игра?

– Семь человек из публики! – пошутил Алекс, – и свора наёмных лжецов, для которых ложь – средство к жизни! Благородство и честность расцветают только тогда, когда они поддержаны собственной силой и внешней. Когда добродетели воспитываются в людях, а порок осуждается! Да, честное слово, я иногда думаю, что если бы смерть не пресекала самодовольство лакеев, достигших сытости, жизнь была бы невыносима! Про скверное – он скажет хорошо, хорошее зальёт пахучей жижей, отличное задушит пятернёй!

– Bravo! Никто ведь не анализирует отдалённых последствий, скажем, массовой рекламы на мозги подрастающих поколений. Ушлые люди получают за счёт рекламы мгновенную прибыль и им наплевать на то, что они растлят этим чужие мозги на века. Прибыль сейчас и много, а растление незаметно и по капле. И критериев тут как бы нет! Эти критерии, конечно, есть, но их не пускают в публичную сферу, их не дают озвучить в публичной дискуссии. Не может же директор такого распутного канала, живя на рекламу, пустить на экран человека, который станет призывать к отказу от растления и умеренности? Станет говорить ему же о том, что он преступник? Что такое законы? Это соглашение, правила игры, диктуемые господствующим классом, слоем, бандой, как вам угодно это называть в своих целях. В большом обществе часто преступны даже законы, потому что они приняты в интересах преступников с деньгами, приняты для дальнейшего отмыва этих денег. Деньги сами по себе изначально преступны, поэтому любое общество, ставящее деньги во главу угла, само по себе преступно! Продавцу духовных наркотиков наплевать на лекции о морали и пока у него будет хоть малейшая возможность за счёт чужого здоровья получить хоть какую-то прибыль, он никогда от неё не откажется! Это общество должно уничтожить продавцов наркотиков, всё равно духовных или любых других. Здесь для начала должно быть так, как с сигаретами в Европе – купить пока можно, но на каждой коробке надпись аршинными буквами «Курение вредно для Вашего здоровья!» Мы должны были бы или убрать это с наших экранов или заставить их на титрах каждой передачи с рекламой ставить фразу:

Данная реклама
СМЕРТЕЛЬНО ВРЕДНА
для вашей психики

и
будущности
ваших детей!
С нами – ВЫ рискуете!».

Вот тогда бы мы посмотрели, какие песни они бы затянули! А сделать так, как сделали, скажем, в Гонконге, я пока не могу – в Гонконге разрешена любая реклама, но... после двух часов ночи и блоком. Вся реклама подряд идёт три часа подряд глубокой ночью! Ясно, что не один нормальный человек смотреть это добровольно не будет, но так как это закон, рекламодатель согласен и на это. Но этот порядок есть там, где есть люди, ответственные перед своим населением. Там, где есть народ, которого власти всё же побаиваются! Вообще, неплохо, когда тебя уважают, но страшно, если не бояться! Власть здесь думает, что у народа можно украсть сбережения, одеть его в телогрейки, и народ не выстрелит ей в спину! Она уверилась в недееспособности населения и мало того, поддерживает эту недееспособность. Зрелища и их характер только часть общей картины неблагополучия в этом государстве! Здесь зрителю подсовывают рекламное гнильё вместе с острым салатом приключенческого фильма, и он насильно вынужден этот компот пить. Он же не сможет всё время хлопать по кнопкам переключателя каналов, у него уже нет воли к этому. Китайцы молодцы, они поставили всё на место, и нашли в себе силы не дать худшим инстинктам ворваться в их жизнь. Они рано или поздно будут победителями мира! Впрочем, если их не изведут бактерии...

– Да, смена ментальности приводит часто к гибели организмов и сообществ. Тем более, насильственная смена. Этот процесс может растянуться на века, но как любой процесс, он имеет финал. Трагический финал! – добавил Гитболан, вынимая роскошный чёрный портсигар.

– Ну, хорошо! Я хотел повидать вас, и я вас нашёл. На Нерона произвела впечатление ваша неслыханная по здешним меркам начитанность и ваша убеждённость в том, что «ваш народ, погибающий и преданный, может быть спасён только одним...»

– Да, верно, только одним! Я много смотрел на удел моего народа и дошёл до первопричины его падения...

Названный Нероном, вдруг проснулся и, распираемый тщеславием, не только прервал мирное течение беседы, но и изрыгнул из себя лавину белых стихов:

«В глазах червей величье крайне низко. В обратной перспективе отражаясь, ты думаешь, что перед ними будешь, как белый шейх, как принц синюшной крови, но видя то, что ты лишён защиты, и истощён бессонницей зловерной, наперебой бегут – подставить ножку, воткнуть кинжал отравленный, нагадить, смешать все планы, с панталыку сбить! Смотри, как корчат рожи эти гномы, тебя завидя в дольней перспективе, кто перед ними ты? Монетка! Крюк? Сви-стулька? Держись, раз впрягся! Не давал сомненьям на волю вырваться, держи в узде надежды, уткни в бахилы стремя, обтирайся, но никогда, нигде не унывай! Лишь так из ада попадают в рай!»

Алекс улыбнулся и захлопал в ладоши.

– Ваш коллега лицедей! – закричал он, – да ещё какой! Школа!

– О да, если бы у меня было три уха, то два из них уже должны были завянуть от его тарабарщины! Но он шутит! Поверьте мне, у него под этой клоунской внешностью находится ясный и холодный ум! А вот ваше государство ума лишено! Итак, Я никогда не ставил высоко умственные способности вашего государства. – продолжил Гитболан, – Истреблять своих лучших людей и пользоваться их так, как оно их использовало – для этого особого ума не надо. Для этого вообще никакого ума не надо! Невыгодно конюшни строить из людских костей!

– Общество должно стараться... – продолжил Лихтенвальд и был перебит Гитболаном.

– Должно? Общество? Стараться? Алекс, простите, но вы взываете к тому, чего уже перед вами нет! Тут нет никакого общества! Нет доброжелательного интереса граждан друг к другу,

нет общего уровня и подпитки друг от друга, нет никакой информации, она заменена мифами, нет гуманитарного, если так можно выразиться, слоя над всем этим! Одни воры, смеющиеся над честными дурнями!

Всё разбито! Все разбиты! Ничей просветлённый голос уже не может быть услышан! Всё разбито! Все идут в разные стороны, отпихивая друг от друга от остатков корыта! Ничего нет! Вокруг пустота, которую уже невозможно ничем заполнить! Нет сверхзадачи! Безопасность – главное, на что претендует цивилизация – немыслима там, где угроза нищеты нависает над головой у всех людей. Она немыслима там, где пресловутая неприкосновенность личности есть лишь случайный результат наличия полиции, чьё занятие фактически – не защищать от насилия, а насильно заставляя бедняков взирать на то, как их дети умирают с голода, старухи гибнут в больницах на кишасших червями матрасах, в то время, как бездельники обкармливают своих комнатных собачек, а попы переводят общественный продукт на производство идеологического опиума. В то же время, когда на эти бездарно потраченные деньги можно было бы накормить миллионы сырых и голодных. Впрочем, это только самые поверхностные мои наблюдения! Поживи я здесь несколько лет, может быть, я бы и изменил своё мнение! Но пока оно таково!

– Да, бывший когда-то моим, этот город, это государство стало просто стадом животных, погоняемых вороватыми пройдохами! За эти годы мы увидели такое количество всякой дряни, лжи и насилия, что невинность и уважение вернуть уже невозможно. Ничтожное и подлое понукает высоким, подлый человек входит в самые лучшие дома, деньги принадлежат только ворунам! За какие грехи мне было суждено наказание увидеть весь этот ужас? Если есть ад, то он существует здесь и сейчас, а не на небе! Это государство – государство революционеров теневиков ввергло население в самое настоящее средневековое варварство. Утратив контроль за уровнем жизни, оно выдумало новую лживую игру – игру забывания части народа. Оно пользуется для этого новым средством – ложью замалчивания, видимо полагая, что это вовсе не ложь, а удачный идеологический приём. Количество дрянных людей всегда одинаково, разнится лишь та откровенность, с какой им позволяет демонстрировать свои дурные свойства. Кое-кто впрочем, скажет: «Посмотри, какие магазины уже есть кое-где и кое для кого! Нет, братец, всё хорошо!» Я прекрасно вижу ваше хорошо! Я живу здесь волею судьбы, но жить мне здесь противно!» Мраморные пластыри для нуворишей на исподних обваливающихся фасадах. И сразу куча клакеров. Но нет в них величия, нет у них художников, философов. Это безлицый режим. Слово все силы зла бросают нам в лицо с хохотом: «Ну что, ребята, вы и это выдержите?»

Скрывать то, что я думаю, не имеет смысла, да я и не хочу этого, не буду бояться больше никого. Государство больше не будет иметь морального авторитета заставить меня делать то, а если попытается, я буду воевать с ним, или убегу.

Но, живя в государстве, которое вечно держит всех за дураков, славяне вынуждены отвечать этому нечеловеческому, чуждому им государству то неумеренным пьянством, то бунтами, то какой-то мерзкой самоотречённой покорностью. Всё равно, даже те, кто не могут ничего сформулировать, всё равно интуитивно чувствуют отдалённость этого государства от них, его враждебность. Им плохо и неудобно здесь жить!

Четыре, нет, шесть главных, неоспоримых и посему краеугольных камней было положено в основу нового, как тогда казалось, государства. Они, разумеется, уже были порядком поистасканы, как карты в старой имперской колоде, но тем, кто на недолгое время реанимировал умерших духов, казалось, что новый путь найден, а новое ничем не отличается от хорошо забытого старого. Вот эти святыни, полюбуйте на них:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.